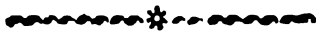

ТАИШТВЕННАЯ
МОНАХИШЯ,
ИЛИ
ОБИТЕЛЬ Св. КОЛУМБА.
ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ И. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО.

1816.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чшобы
по напечатаніи, до выпуска въ продажу,
представлены были въ Ценсурный Коми-
тешь: одинъ экземпляръ сей книги для
Ценсурнаго Комитета , другой для
Депаршамента Министерсшва Народ-
наго Просвѣщенія , два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки
и одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Сентября 16 дня, 1816 года, книгу
сію разсматриваль Ordinary Про-
фессоръ и Ценсоръ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ РИХТЕРЪ.

Д В О Й Н А Я
М О Н А Х И Н Я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разговоры мои съ Жанештою отъ часу становились рѣже; съ того времени какъ удаляясь отъ всякаго сообщенія, посвящала она всѣ свои часы на молитву; но когда находилъ я къ тому случай, а особливо на исповѣди, то старался замѣчать, не увижу ли въ ней какихъ признаковъ ослабленія разсудка; не спаваетъ ли она мѣшаться, или не окажется ли сомнѣнній совѣсти; что обыкновенно означаетъ упадокъ ума, но испытанія мои оказались безполезными: и всегда находилъ шу же

твердостью въ разсудкѣ. Она на все отвѣчала прямо и ясно, сколь иногда ни были странны мои вопросы.

На примѣръ : я спросилъ, не имѣешь ли тайныхъ горестей?

« Нѣтъ, отвѣчала она, еслибъ онѣ были тайныя, то вы бы ихъ не замѣтили.

« Однако жь очень видно, что вы носите тяжесть на сердцѣ своемъ.

« Еслили такое существо на землѣ, чья бы жизнь никогда не была помрачена облаками?

« Но слѣдуя собственному вашему сужденію, долженъ полагать что вы имѣете печаль.

« Что подало вамъ поводъ къ сему заключенію?

« Вы молитесь съ такимъ усердіемъ. . . .

« А развѣ только въ несчастіи должно имѣть приближеніе къ Богу?

« Нѣтъ! . . . Но когда вы молитесь, то кажетесь умершею для всѣхъ прочихъ въ мірѣ вещей.

« Что вы разумёте чрезъ слово : молитва ?

« Возвышеніе души къ своему Создателю.

« Я одного съ вами мнѣнія; и въ то время какъ душа возвышается къ своему Богу, можетъ ли она чѣмъ инымъ заниматься? Тогда молитва была бы только механическое движеніе и пустой обрядъ вѣры.

« Конечно такъ.

« Когда мы разговариваемъ съ какими особами которыя насъ выше, или даже и съ равными себѣ, то есть съ швореніями столь же малозначущими какъ мы сами, то не стараемся ли привесипи въ порядокъ свои мысли, и усстремить все наше вниманіе на предметъ о которомъ судимъ, хотя бы онъ и не заключалъ въ себѣ никакой важности? Но не нарушилили бы мы правилъ благопристойности, если говоря съ кѣмъ нибудь, бѣгали по комнатамъ, или дѣлали видъ; что инымъ чѣмъ занимаешься ?

« Безъ сомнѣнія, эшобъ было весьма невѣжливо.

« И шакъ если не позволяемъ мы себѣ развлеченія съ равными вамъ людьми, шо должны ли предавашься разсѣяню, возсылая объщы свои къ верховному Существу? Можете ли вы требовашь, чшобъ моляся, осматривала я чшо во-кругъ меня дѣлается?

« Нѣтъ, любезная дочь; но ты молишья съ излишнею набожноштію, съ излишнимъ жаромъ.

« Всякое дѣло шребуешь вниманія, а молишья важнѣе всѣхъ прочихъ дѣлъ.

« Но если имѣешь ты шайвыя горести, добрая крошкая душа! . . . Открой мнѣ ихъ . . . Можеть быть, я въ состояніи буду подать тебѣ помощь, или по крайней мѣрѣ утѣшеніе.

« Я очень чувствую, преподобный Опець, ваши къ себѣ милости: вы ковечно заслуживаете всю мою довѣренность; но мнѣ вѣзего вамъ ошкрышь.

« Ошъ чего жь съ вѣкошораго времени ты сдѣлалась унылѣе, грустнѣе? . . .

« А не приходяшь ли иногда и на васъ такія же минуты? кто можешь бытъ всегда веселымъ и довольнымъ? Кто имѣешь столько твердости, чшобъ во всѣхъ случаяхъ сохраняешь одинакое расположеніе духа? Одни лишь Ангелы способны соблюдать вѣчное спокойство; а мы подруги челоуѣка, имѣемъ всѣ слабости онаго; и когда вы мужчины, подвержены часшымъ перемѣнамъ, то можешь ли слабая женщина дойти до такого совершенства, до котораго вы не въ состояніи достигнуть!

« Но здоровье твое разстроивается; ты потеряла свой румянецъ, свою дѣрдность, и должна согласишься, чшо шайная печаль тебя снѣдаетъ.

« Не могу не признаться, я какъ и другіе имѣю свои горести.

« И такъ излей ихъ въ мое сердце.

« Нѣтъ; онѣ слишкомъ для васъ мало важны.

« Однако я желалъ бы . . .

« Выслушайте меня. Изъ всѣхъ моихъ огорченій жесочайшее то, что не отдаю пь мнѣ справедливости. Когда получаю пь сие оскорбленіе отъ глупцовъ и завистниковъ, то можно съ равнодушіемъ взглянуть на оное; но быть предметомъ подозрѣнія людей умныхъ и просвѣщенныхъ, это жестоко. Многія изъ сестеръ нашего общества считаютъ меня обремененною тяжкимъ пресупленіемъ, и Богъ знаетъ какія ихъ обо мнѣ заключенія. Другія въ молчаніи меня разсмашиваютъ, и полагаютъ, что я потеряла разумокъ. Сіе меня протзетъ; разумокъ есть единственное свойство, коимъ осмѣливаюсь я еще гордиться, отпнимите у меня оное и не будетъ болѣе никакого различія межъ мною и скошомъ Ахъ! скажите, осталось ли еще для меня въкоторое ушѣшеніе, или и вы счищаете меня сумасшедшею ?

Быль приведенъ въ замѣшательство симъ вопросомъ, я съ прудомъ могъ

отвѣчать ей на оный. Одинъ Богъ , любезная дочь , можетъ судить вѣрно объ умѣ нашемъ Мнѣнія же людей всегда подвержены заблужденію Я , и , по видимому , всѣ наши монахини , считающъ себя одаренною здравымъ разсудкомъ , и столь же благочестивою какъ и доброю. А если имѣютъ какія подозрѣнія на твой счетъ , то ты легко можешь ихъ разрушить , подаявъ заѣзсу покрывающую прежніе твои поступки.

« Все поведеніе мое доказываетъ непорочность моихъ нравовъ , и болѣе сего никакъ не имѣешь права отъ меня претовати . » Она произвела слова сіи съ примѣпнымъ неудовольствіемъ , и потычась меня оставила.

Она опять отъ меня ускользнула , сказалъ я самъ себѣ : но я не претпану наблюдать всѣ ея поступки съ спрожайшимъ вниманіемъ.

Удаляясь отъ всѣхъ , она продолжала молишься съ шѣмъ же усердіемъ , и це-

чяль ея не только не уменьшалась, но ежедневно возрастала.

Я рѣшился открыть сердце мое Игуменѣ. Непредвидимыя дѣла принудили меня оплучиться на вѣсколько дней; а по возвращеніи своемъ я спѣшилъ съ нею увидѣться, чтобъ сообщить ей свои мысли.

« Вы поздно вздумали предварить меня. Опѣчала Игуменья.

« Какъ! сказалъ я; и уже мнилъ видѣть страхъ свой оправданнымъ.

« Успокойтесь, продолжала она, по отпѣздѣ вашемъ Жанетта возвратила всю свою веселость: цвѣтъ лица ея становится лучше, здоровье поправляется, и она съ такою же радостію какъ и неперпѣвемъ ожидаетъ того дня въ который произнесетъ свои обѣты; я вѣзвачила бытъ оному черезъ три мѣсяца, ибо она очень хорошо выдержала годъ своего жекуса.

Въ сію минуту вошла къ намъ Жанетта; я подлинно нашель въ ней большую

перемѣну; живой румянецъ заступилъ мѣсто прежней блѣдности; удовольствіе блистало въ глазахъ ея, и пріятная улыбка показалась на розовыхъ ея устахъ.

Я окончила свое дѣло, сказала она Игуменьѣ, подавая корзинку наполненную женскимъ рукодѣльемъ удивительной работы: и вы меня одолжите доставая новое упражненіе.

« Какъ! любезная дочь, въ одну недѣлю ты все уже окончила? »

« Я очень охотно принялась за свою работу: а всякое дѣло скоро бываетъ кончено, если займешься имъ съ удовольствіемъ. »

« Но такъ много . . . и такъ хорошо Послушай, милая, я боюсь, чѣмъ вмѣсто сна не проводила быцѣлыя ночи за рукодѣльемъ . . . Не будь споль прилѣжна, а иначе пошеряешь прекрасные свои глаза. »

Она дала ей новую работу, и Жанешта принявъ ее съ веселымъ видомъ, удалилась.

Когда остались мы одни, то Игуменья удивлялась красотѣ шипья и малому времени: на оное употребленному.

Призываюсь вамъ, сказавъ я Игуменьѣ, что я никакого не могу сдѣлать заключенія о странной сей женщинѣ: чѣмъ болѣе я ее разсматриваю тѣмъ меньше понимаю. И хотя я довольно хорошо чиню въ сердцѣ человеческомъ, но съ нею всѣ мои познанія въ ничто обращаются: душа ея покрыта для меня непроницаемою завѣсою. Сперва предается самой мрачной задумчивости, потомъ вдругъ привимаетъ веселость...

« Я сама не знаю что должна о ней думать: но желала чибобъ всѣ мои монахини были столь же скромны и благочестивы какъ она, я викагда не видывала такой любезной дѣвушки. . . . Но кто она? . . . Откроемъ ли мы это когда вибудь?

— Если случай не придетъ къ намъ на помощь, то мы должны пошерашь

всю къ тому надежду ; ибо отъ нее самой ничего не лзя вывѣдать.

« Я многократно ее разспрашивала объ ея имени и происхожденіи ; она всегда повторяла мнѣ то же что при первомъ свиданіи. Иногда говорила ей : Живешлиа , скажи мнѣ правду , состояніе твое выше , нежели какъ ты о себѣ оказываешь ? Она популяла глаза , задумывалась , потомъ отвѣчала : я насъ не обманываю , и сердце мое ничѣмъ меня не упрекаетъ . Я продолжала : Но гдѣ твой отецъ ? — У меня вѣкъ уже отца и давно потеряла мать свою . Когда жъ я въспояпельнѣе пребывала ея довѣренности , то она заливалась слезами и я не жлая болѣе ее мучить перестала любопытствовать ; но очень увѣрена , что она знатнаго рода .

« Никто еще объ ней не освѣдомлялся ?

« Совершенно никто .

« Но не отправляетъ ли она , или не получаетъ ли тайныхъ писемъ ?

« Все, что присылаютъ въ монастырь, должно быть принесено ко мнѣ, а особливо письма; я читаю также всѣ оповѣ-
щенія, и ручаюсь, что со времени ея къ вамъ прибытія, она ни одной строки
никуда не писала.

« Но вы бы должны отсрочить ея по-
стриженіе. Кто знаетъ можеть
быть ставутъ наконецъ ее отъиски-
вать.

« Не думаю.

« Но все лучше продлить время ея
искуса.

« Я то и дѣлаю, хотя она ежеднев-
но меня проситъ не оплагать долѣе
ея счастья, говоря, что съ терпе-
ніемъ ожидаемъ сего благополучнаго
для нее дня.

« Но если ревность сія ослабѣеть,
и — продолжительное раскаяніе. . .

« Твердость, которую сказала она во
время своего искуса, истребила во
мнѣ сей страхъ.

« Какъ бы то ни было, я считаю, что излишняя осторожность непрощива будетъ благоразумію.

« Конечно такъ; но я уже вамъ сказала, что склонность ея къ монашеской жизни такъ сильна, что мы не должны бояться раскаянія.

« Не лзя называть прямою склонностію то, къ чему она можеть быть побуждаема неизвѣсными намъ причинами.

« Я не думаю чтобъ ея къ тому желанію могло быть подвержено сомнѣнію. »

Между тѣмъ Жаншпа возвратила всю свою веселость, и здоровье ея совершенно возстановилось, но она съ тѣмъ же тщаніемъ убѣгала общества по-другъ своимъ. Занимаясь безпрестанно полезными упражненіями, она отъ часу болѣе выигрывала дружбу Игуменьи.

Я вызвался самъ ее приготовить къ торжественному обряду, и Игуменья охот-

но согласилась на мое предложеніе, быль уѣрени, что Живешпа приготавливаемая мною, почувствуетъ всю важность сего шага. Но чѣмъ ближе подходилъ день постриженія, тѣмъ печальнѣе становилась оная Живешпа; источники слезъ снова полились изъ глазъ ея, и она впала въ прежнюю задумчивость.

Располагаясь имѣть съ нею разговоръ, я заранѣе къ оному приготовился, чтобы какимъ неосторожнымъ словомъ не оскорбить ея чувствительности. Я твердо надѣялся, что въ сію рѣшительную минуту, наконецъ изторгну ея тайну; и говорилъ самъ себѣ: если теперь обманусь въ своемъ ожиданіи, то навсегда должно будетъ опказаться оупъ всякаго покушенія къ разсужденію сего предмета. Въ двадцати-пяти-лѣтнее правленіе мое сею обителью, я много спариць приготавливалъ къ священному обряду. Живо изображеніе всѣхъ благъ, кои Господь обѣщаетъ цѣломудреннымъ швоимъ вевѣсшамъ; - рѣчь

на ложныя мірскія удовольствія, на суетность оныхъ, и на презрѣніе которое должны мы къ нимъ имѣть: вошь средства употребляемая мною въ подобныхъ случаяхъ. Но я хотѣлъ представить Жанеттѣ совсемъ противоположную картину. Разговоръ мой съ нею достоинъ примѣчанія, и каждое онаго слово и шеперь еще мнѣ памятно. Вошедъ къ ней въ келью я нашель ее за работою; она съ почтениемъ встала съ своего мѣста и подала мнѣ стуль. Всегда въ трудахъ, любезная дочь, и по видимому находишь въ оныхъ пріятность.

« Какое же удовольствіе осталось для человека въ мірѣ семъ, если бы онъ не могъ заниматься? Я не вѣрю, чтобы можно было любить праздность, и если находятся такіе люди, то они весьма достойны сожалѣнія: не говоря о скукѣ жеспочайшей душевной болѣзни и обыкновеннаго слѣдствія праздности, она влечетъ за собою дру-

ція.

« Однакожь безумные. . . .

« Извините : хотя полагаю безуміе въ число болѣзней, но увѣренъ, что тѣ, кои въ оное впадаютъ ; несравненно еще болѣе заняты нежели прочіе , если не дѣломъ , то по крайней мѣрѣ воображеніемъ Въ семъ состояніи челоуѣкъ сугубо несчастливъ : ибо умъ его слишкомъ напряженный не позволяеть ему чувствовать бытія своего.

« Но я не нахожу ихъ столько достойными жалости. . . . Самое это положеніе заставляеть ихъ забывать свое несчастіе.

« Они пребываютъ въ вѣчномъ заблужденіи. Но—мнѣ кажется, что челоуѣкъ потерявшій чувство бытія своего, лишеть правде и всѣхъ пріятностей въ жизни : состояніе его подобно сну отнимающему всѣ душевныя способности и скрывающему ось глазъ его священный лучъ истины.

« Но въ нѣкоторыхъ обстоятельств-
вахъ , какъ на примѣръ : въ глубокой
горести , въ упорномъ гоненіи рока , не
лучше ли потерять разсудокъ , нежели
овый сохранять ? »

« Великій Боже ! . . . Нѣтъ ; силь-
нѣйшія огорченія имѣють свою пользу ;
ибо свойственнo роду человѣческому
испытывать овыя , а Хрисціанинъ дол-
женъ еще тому радоваться : собствен-
ныя наши горести дѣлають насъ чув-
ствительнѣе къ несчастіямъ ближняго
и научають способамъ облегчать ихъ .
Къ тому жъ жесточайшая печаль умень-
шается довѣренностію и упованіемъ на
Провидѣніе , хотѣвъ потерять рассу-
докъ , чтобъ избавиться несчастія ,
прилично лишь душѣ слабой не имѣю-
щей въ себѣ никакой твердости . Гораз-
до славиѣе умѣть сносить оное , и кто
способенъ къ столь низкому желанію ,
тотъ уже истинно безуменъ . Богъ по
справедливости его наказываетъ , отни-
мая даръ для него безполезный коему
цѣны не знаешь . »

« Я съ вами согласенъ; и мы часто видимъ примѣры, что сильная горестъ лишаетъ ума.

« Правда; но причиною сего безуміа расслабленіе органовъ, которые разстроились отъ продолжительныхъ сшраданій, или отъ жестокой болѣзни.

« Знаете ли вы печальный примѣръ который мы имѣемъ передъ глазами въ самомъ семъ монастырѣ?

« Бѣдвую Стефанію?

« Точно такъ.

« А знали-ль вы сію несчастную прежде ея помѣшательства?

« Очень коротко: она была тихаго нрава, добра, скромна и благочестива, всѣ любили и почитали ее. Она почтала что можетъ покойно прожить въ монастырѣ и забыть въ ономъ о свѣтѣ, но ошиблась; раскаяніе начало терзать ее; оскорбленная природа жестоко за себя мстила; невольныя желанія родились въ душѣ ея: сшала со-

жалѣть объ оставленномъ ею обществѣ; сокрушалась, видя себя удаленною отъ своего семейства Можетъ быть представился также глазамъ ея любовникъ котораго считала она умершимъ . . .

Здѣсь Жанетта пришла въ сильное движеніе, и сколько ни старалась но не могла оваго отъ меня скрыть. Я продолжилъ: ложный стыдъ препятствовалъ ей требовать разрѣшенія своимъ объѣтамъ, а можетъ быть и родные ея тому вопрошились Горесть безпрестанно снѣдала, природа сильно говорила въ сердцѣ ея, она хотѣла попустить голосъ и пошеряла разсудокъ.

« Состояніе сіе часто бываетъ предметомъ моихъ размышленій. О! сколь оно должно быть пѣгоспно!

« Представьте его себѣ во всемъ ужасѣ Помыслите, сколь несчастно швореніе впавшее въ бѣдственное сіе положеніе; и судите, сколь опасенъ шагъ, на которой вы теперь рѣшав-

тпсь, опказашься вдругь опть всѣхъ удовольствій жизни Опть малю часпицы блаженства, которое дало намъ въ мірѣ сямъ; оставишь путь, усѣанный цвѣтами, чпобъ иди по пустой и безплодной дорогѣ, гдѣ встрѣчаешь лишь однѣ трудности. . . . Опрещись навѣки опть сладостей дружбы; заключись въ стѣнахъ сихъ, гдѣ найдешь только горести и спрадавія, смотрѣть не иначе какъ сквозь рѣшетку на прелести природы и весны, которая для тебѣ одной не будеть имѣть пріятностей; опзрашишь слухъ свой опть гласа любви; лишишься навсегда надежды носить вѣжное имя супруги, матери Опказашься опть свѣта, не оставя въ ономъ по себѣ сожалѣнія, не насладаясь еще жизнью. . . . Таковы слѣдствія ужасной клятвы, которую ты, дочь моя, готовишься произнести. . . . ты подвергаешься поздному и жестокому раскаянію. . . . Но по совершенію обѣщанья, ничто уже не спасеть тебѣ.

« Никогда раскаяніе не найдетъ мѣста въ сердцѣ моемъ. Сказанное вами теперь могло бы сдѣлать впечатлѣніе надъ тѣми, у которыхъ оставались еще надежды въ мірѣ семъ ; но для меня все кончено.

« И ты думаешь , дочь моя , что уже не въ состояніи пользоваться никакимъ удовольствіемъ ?

« Я твердо въ томъ увѣрена.

« Милая Жанешта ! Заклинаю тебя собственнымъ твоимъ благополучіемъ, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, если осмается еще для тебя и малѣйшая надежда обрѣсти въ обществѣ, хоша тѣнь счастія, если пончайшая нишь привязываетъ еще тебя къ оному; по отложи пагубное свое намѣреніе; вступи въ свѣтъ возвратись въ опечесство и клятвою безразсудною, не поставь за собою непреодолимой преграды, не осуди себя на вѣчныя сраданія, коихъ ничшо уже не въ силахъ облегчить.

« Всѣ узы привязавшія меня къ свѣту уже прерваны; никакой болѣе радости для меня въ ономъ не осталось . . . Я испывала несправедливость людей, и отечество мое . . . гробница.

« Но если ожидаешь тебя непредвидимая радости?

« Я уже вамъ сказала что все для меня кончилось.

« Но на чемъ основываешь ты сію увѣренность, или имѣешь даръ чинишь въ будущемъ?

« Судьба моя мнѣ извѣстна; ничто не въ состояніи оную перемѣнить. Я изчисляла всѣ выгоды, которыя свѣтъ можешь еще мнѣ доставить; и нашла, что монастырь единственное убѣжище для меня приличное.

« А если расчетъ твой не вѣренъ?

« Я полтора года безпрестанно имъ занимаюсь и повѣрка выходитъ все та же.

« Согласенъ, для нынѣшнихъ твоихъ общошельствъ; но можешь ли ты

бышь увѣрена, что онъ навсегда ошпа-
нулся въ одинакомъ положеніи? Можешь
ли знать, не произойдутъ ли въ по-
слѣдствіи, или въ самую сію минуту
не сдѣлались ли уже какія важныя
перемѣны выгодныя для тебя? И если
извѣстіе сіе придетъ поздно, то шы
уже не въ состояніи будешь онымъ
пользоваться.

Она задумалась; и по минушномъ
молчаніи отвѣчала: — Тогдабъ я по-
длинно заслуживала сожалѣнія.

« Ошь поспушка, на который ты те-
перь рѣшаешься, зависить спокойствіе
цѣлой твоей жизни. Я нѣрю, что
прошедшее и настоящее не ошпавило
уже въ шебѣ никакихъ надеждъ, ни-
какихъ желаній; но множество не-
ожидаемыхъ случаевъ могутъ произ-
вестъ счастливую перемѣну въ твоихъ
обстоятельстввахъ. Ты не ввела ихъ
въ свой расчетъ, потому что ничего
уже хорошаго для себя не предвидшь;
но это не доказываетъ еще чтобъ со-
бытіе оныхъ было невозможно.

« (Въ сильномъ волненіи) Еслибъ я ошиблась, то сколь положеніе мое было бы горестно! »

« Любезная дочь! изъ моего спада, ты наиболѣе внушаешь въ меня участія. Я вѣчно бы укорялъ себя, еслибъ не употребилъ всѣхъ спараній дабы отшвырнуть тебя отъ такого воступка, коего ничѣмъ уже не лзя поправить, и который въ послѣдствіи ты сама спашешь проклиная. Ты мнѣ кажешься необыкновенною женщиною: какъ другъ свой, какъ отецъ духовный, заклинаю тебя говорить со мною искренно. Гайна ли какая стягошила душу твою?—Вѣрь мнѣ оную; я обязываюсь честію своею, сдѣлаю всевозможныя пожертвованія, и все, что позволитъ мнѣ санъ мой, дабы возвращилъ тебѣ спокойствіе.

« Я очень вамъ благодарна за еіи дозвѣлительныя дружбы вашей; но у меня нѣтъ никакой шаины.

« Очень видно что происхожденіе швое
 знашиѣ нежели какъ ты о себѣ сказываешь : и снова умоляю тебя , именемъ
 Творца Превѣчнаго , язвами Божеспасеннаго
 нашего Спасителя , кровію Имъ
 за насъ пролипою , открой мѣ свое
 сердце ; печать исповѣди связываешь
 языкъ мой , а хотя бѣ ты должна была
 мѣрить мѣ и ужаснѣйшее злодѣяніе ,
 но не опасайся ничего . . . Я для того
 лишь желаю прочесть въ душѣ швоей
 чтобъ подати тебѣ помощь , совѣты ,
 или утѣшенія святой религіи , есшли
 человѣческія уже безсильны . »

Она кинула на меня такой взглядъ ,
 котораго описать невозможно.

« Или вы думаете , сказала она након-
 ецѣ по продолжительномъ и мрачномъ
 молчаніи , или вы думаете видѣть предъ
 собою преслушницу ? Точно ли вы уѣ-
 рны что я имѣю тайны ? Не обманыва-
 етесь ли вы въ своихъ заключеніяхъ ? —
 Скажите , чего пребуютъ монастыр-
 скіе усшавы ? Добровольнаго убожества ?

Я ничего не имѣю. Цѣломудрія? Можно ли упрекнуть меня, чтобы я оное нарушила? Трудовъ и повиновенія? Подруги мои, Игуменья, будутъ отвѣчать за меня. Непринужденныхъ обѣщанъ? Не сама ли пришла я въ сію обитель, или лучше сказать, вы сами тому были свидѣтелями? Не употребила ли я усильнѣйшихъ прошеній, чтобы меня здѣсь приняли? И такъ говорите, чего еще можете вы отъ меня требовать?

« Ничего.

« Не съ почтосію ли исполняю всѣ мои должності? Какія же тайны хощете вы испоргнуть изъ груди моеи?.. Еслибъ подлинно была я преступница, то сохранила ли бы сіе спокойствіе въ присутствіи вашемъ? Не избличила ли меня совѣсть моя? Могла ли безъ угрызенья мѣщаться въ шолву дѣвъ, посвященныхъ Господу. . . Съ того времени какъ нахожусь я въ монастырѣ семъ, и два ли раза въ недѣлю приносила я покаіе въ грѣхахъ своихъ, и приобщалася

Святыхъ Таинъ? Если бы въ сихъ случаяхъ умолчала я о своемъ пресупленіи, то сколько нечестивыхъ исповѣдей, сколько святопашспленныхъ причастій лежало на душѣ моей! Когда же счищаете вы меня къ тому способною, то и должна казаться извергомъ въ глазахъ вашихъ. . . . Но Богъ видитъ мое сердце, Онъ одинъ знаетъ что шутъ происходитъ, примолвила она, положивъ руку на грудь свою и поднявъ глаза къ небу.

Переставъше, прошу васъ, огорчать меня вопросами, которые смѣю назвать нескромными. Если бы и подлинно я не то была чѣмъ кажуся, то конечно бы важныя причины понуждали меня хранить мою тайну. За чѣмъ же хотите вы поднять завѣсу покрывающую оную?

Все краснорѣчіе мое исповѣцалось, я вѣдѣла упорство непреодолимое, и видѣла въ ней одну изъ двухъ крайностей: или чистѣйшее существо, или

преступнѣйшую и опаснѣйшую лице-
мѣрку.

Здѣсь окончили мы свой разговоръ,
и я пошелъ сообщить объ ономъ Игу-
менѣ; скрытность Живешпы крайню
ее удивляла, и она такого жъ была мнѣ-
нiя какъ и я. Однако жъ, примолвила она,
я лучше желаю чтобы оправдалась пер-
вая ваша мысль, сколько изъ любви
къ челоуѣчеству, сколько и для соб-
ственнаго моего удовольствiя.

Послѣ сего разговора, горестъ Жа-
вешпы ежедневно усиливалась; она
опять начала молиться съ большею
еще прощивъ прежняго набожностію, и
душевные страданiя ясно изображались
на лицѣ ея. Она почти не принимала
пищи, и такъ перемѣнилась, что болѣе
походила на шѣвъ, нежели на челоуѣка.

Я подумавъ, что совѣсть ея пробуди-
лась, и она наконецъ рѣшилась открыть
мнѣ сердце свое, или удалится изъ
монастыря, не произнеся своихъ обѣ-
щанъ. Я уже радовался успѣху моихъ
увѣщанiй, кошорыя казалось произвели

дѣйствіе, не смотря на спаравіа Жа-
 нетшы чшобъ сокрыть оное; и чѣмъ
 ближе подходилъ день ея посприженія,
 шѣмъ возраспала моя надежда, что скоро
 провикну во всѣ ея тайны. Я совѣщо-
 валь Игуменьѣ призвать ее къ себѣ,
 объявить, что наступило время для
 совершенія шоржественнаго обряда, и
 со вниманіемъ замѣчать какъ приметъ
 она сіе извѣстіе. Я почно былъ увѣ-
 ренъ, что она ошкажется ошъ по-
 сприженія, или во всемъ вамъ при-
 знаешся.

Когдъ пришелъ я на другой день къ Игу-
 меньѣ, то она мнѣ сказала: мы ошяшъ
 ошиблись, я имѣла съ нею разговоръ о
 которомъ мы съ вами условились, но
 вмѣсто шого, чшобъ поколебашся въ
 своемъ намѣреніи, глаза ея оживились
 удовольствіемъ; она упала къ ногамъ
 моимъ для изъявленія мнѣ своей при-
 зательности, радостныя слезы текли
 по лицу и она благодарила меня съ вели-
 чайшимъ жаромъ. Съ сей самой миву-

шы, она кажется получила новую жизнь и новыя силы.

« И такъ она рѣшилась отказаться отъ міра ? »

« Рѣшилась ; и вы меня одолжите сдѣлать всѣ нужныя приугомовленія. »

Я былъ недоволенъ самъ собою , и считавъ себя униженнымъ въ общественныхъ своихъ глазахъ , что потерялъ столько времени и трудовъ съ таинственною сею женщиною. Но вознамѣрился учинить послѣдній опытъ.

Между тѣмъ Жанешша опять спала спокойно и столь же весела какъ была назадъ тому вѣскольно мѣсяцовъ ; цвѣтъ въ лицѣ ея оживился , и глаза столь темные за вѣскольно дней , блистали огнемъ радости.

Я не могъ познать сихъ столь странныхъ , и столь скорыхъ переменъ , коихъ причина никому не была известна ; и не въ состояніи былъ сдѣлать никакого заключенія , о сихъ мгновенныхъ перехо-

дѣхъ изъ печали къ радости, изъ болѣзни къ совершенному выздорѣвленію; я очель бы ихъ невозможными, естли бы самъ не былъ шому очевиднымъ свидѣтелемъ.

Наканунъ своего постриженія, она пришла ко мнѣ на исповѣдь: я удвоилъ свои убѣжденія, подвергнулъ сердце и разумъ ея жесточайшему опыту, но все безуспѣшно; и такъ рѣшился опрѣздаться впрѣдь ошъ всякаго новаго покушенія.

Въ слѣдующій день, въ самой зарѣ, колокольный звонъ возвѣстилъ приближеніе шоржесшзенаго обряда, и я пошелъ въ монастырь: все тамъ было въ днженіи, церковь великолѣпно убрана. Въ назначенный часъ Жанепша вошла, слѣдуя обыкновенію, въ богатомъ одѣянн, радость блеснула въ глазахъ ея, она спала на колѣни предъ жертвенникомъ. Въ зрители привлеченные любопытствомъ, смонрѣли на нее съ удивленіемъ: молодые люди пораженны

были ея красотою, старики обихъ
головъ проливали радостныя слезы.

Я началъ служить обѣдню, и усерд-
ныя о ней возсылаеь моленія: по окон-
чаніи жь оной, надѣлъ приличныя ризы
для сопровожденія Епископа. Онъ при-
ѣхалъ: я присоединился къ прочимъ
духовнымъ особамъ чтобъ помочь ему
въ облаченіи и началась соборная обѣд-
ня. Я не спускалъ глазъ съ Жанетты,
которая спановилась задумчивѣе. Послѣ
Апостольскаго Символа, Епископъ по-
дшелъ къ ней и она твердымъ голо-
сомъ прочла исповѣданіе вѣры; нало-
живъ руку на служебникъ. Твердоспѣ-
ея и величавый видъ изумилъ всѣхъ
предстоящихъ. Обѣдня кончилась и уны-
ніе Жанетты усугубилось. Когда жь
священники приобщались святыхъ та-
инъ, то Епископъ обратясь къ ней
спросилъ, слѣдую обыкновенію, добро-
вольно ли она вступала въ монашеское
званіе. Она громко отвѣчала, что жел-
ніе ея къ тому непринужденное. Тутъ
приблизился онъ къ ней, держа въ

одной рукъ сосудъ съ дарами, а въ другой просеору. Я подалъ ей Распяшіе : трепеть объялъ всѣ ея члены ; я видѣлъ ясно что въ ней происходила жестокая борьба. Епископъ сказалъ ей чѣмобъ произнесла она свои обѣщанія, и ужасную клятву чрезъ которую обязана хранишь ихъ. . . . Она поклялась . . . Но, Великій Боже ! . . . Какимъ образомъ она содрогалась Холодный потъ обливалъ лице ея . . . губы дрожали Однакожь она произнесла свою клятву, и потомъ причастилась изъ рукъ Епископа. Я истинно сирдалъ за нее. Милосердый Боже ! склясь нздъ свою несчастную, сказалъ я мысленно, поднявъ глаза къ небу ; и взялъ Распяшіе. По совершеніи обряда, Епископъ поспригъ ее. Всѣ присутствующіе были тронуты сожалѣніемъ ; одна изъ монахинь раздѣлила имъ прекрасные ея волосы, и всѣ хотѣли сохранить ихъ. Тупъ сняли съ нее прежнее платье ; одѣли въ черное, и наживули покрывало. Волненіе ея укроши-

лось, и я приписывая оное важности
этого шага самъ нѣсколько успокоился.

За прелезою новоизбранная немощно
задумывалась, но впрочемъ не
видно было никакихъ знаковъ огорченія.
Монашеское платье придавало ей
новыя пріятности, и она показалась
какъ мнѣ, такъ и собратіямъ моимъ
прекраснѣйшей изъ всей обители. Спу-
стя нѣсколько дней, она опять предалась,
горести, безпрестанно плакала, моли-
лась и ни съ кѣмъ ни слова не говори-
ла. Игуменья раскаявалась, но поздно
что не опложила ея постриженія.

Жанетта съ точностію исполняла
всѣ должности, повиновалась Игуменьѣ,
обращалась ласково со всѣми своими
подругами, и даже съ послѣдними
въ монастырѣ, служанками, но ни
съ кѣмъ не старалась входить въ связь.
Она молилась день и ночь, и даже за рабо-
тою, или громко читала молишвы,
или пѣла псалмы. Такое поведеніе, и
примѣрная набожность, приобрѣли ей

ня праведницы, не только по внутренности монастыря, но и въ спѣвь онаго.

Прошло полгода и веселость ея возвратилась. Мѣсто привратницы очищено смертію той, которая прежде его занимала, и все собраніе монахинь назвало на нее Ж. вепшу. Она долго съ скромностію отъ сего отговаривалась, не считая себя достойною довѣренности ей оказываемой, но бѣшь монашескаго послушанія привудиль ее наконецъ принять сію должность, и я не думаю чпобъ исправляти когда-либо оную съ такою точностію какъ Славислава. Такъ назвалъ ее Епископъ при посприжевіи, и отнынѣ не буду уже и дѣвать ей другаго имени.

Съ того времени какъ опредѣлили ее къ сему мѣсту, я замѣтила, что веселость болѣе не измѣнялась, и приписывалъ сіе должности на нее вложенной, которая пребудетъ болѣею дѣятельности: ибо привратница обязана при-

внимашъ всякую мивушу всѣхъ приходящихъ, и сами свидѣтельствовать все что приносятъ въ обитель или посылають изъ оной. Такимъ образомъ она не имѣешь времени ни скучать, ни огорчаться, ни задумываться. Изъ всѣхъ монастырскихъ должностей думаю что сія есть сноснѣйшая.

Какъ прежде огорченіе ея не возобновлялось, и она умѣла снискашь общую любовь, то никто болѣе не думалъ выдвигашъ ея шагу, а самъ крайнѣ былъ ею доволенъ.

Я уже забылъ все прошедшее, какъ въ одинъ день встрѣпясь съ нею въ воротахъ, я нашель ее печальнѣе обыкновеннаго. Она проводила меня къ Игуменѣ, и оставила у дверей ея комнаты. Тутъ замѣпилъ я въ ней смущеніе: безпокойство оказывалось во всѣхъ ея движеніяхъ, а когда нечаянно я на неа взглядывалъ; то краска всступала въ лице ея.

При входѣ моемъ , Игуменья мнѣ сказала: я очень боюсь , чтобъ болѣзнь нашей Спаниславы не возобновилась , и никакъ не могу понять пому причины. Сесипры живущія подлѣ ея кельи , увѣряюшъ что она часто плачетъ , и говоритъ какъ бы кто - нибудь былъ съ нею. Она молится по прежнему и опять возложила все свое упованіе на Скорбящую Богоматерь: часто стоя на коленяхъ передъ ея образомъ , она кажется съ нею разговариваетъ , слушаетъ какъ ожидая отвѣта , и потомъ сама отвѣчаетъ. Замѣчая ее со вниманіемъ , подумаешь что она разсуждаетъ о важныхъ предметахъ , и если это не расстройство ума , то она праведница призываемая небомъ , чтобъ быть включенною въ число святыхъ.

При сихъ словахъ вошла Станислава и подала Игуменѣ письмо , которая распечатавъ оное начала читать видя по лицу ея , что письмо никакой важности въ себѣ не заключало , я началъ разсма-

привяла Станиславу ожидающую отъ
вѣща. Если бы рѣшкъ вздумалъ изо-
бразить горестъ, то она бы могла слу-
жить ему образцемъ. Въ сію мивушу
сестра Агафія и Луція вбѣжали къ намъ
въ комнату въ великомъ смященіи. Пре-
подобная мать! вскричали онѣ . . . Но
при видѣ Станиславы вдругъ онемѣли;
блѣдность покрыла лице ихъ, и онѣ
оказали знаки чрезвычайнаго ужаса.

Встревоженная Игуменья спросила:
Что съ нами здѣлалось? Вы меня смер-
тельно испужали.

(Обѣ вмѣстѣ.) » Ахъ, Боже мой! . . .
Станислава! . . . Станислава! . . .

« Что она вамъ сдѣлала? говорише
скорѣе. (Но одна послѣ другой).

« Она . . . Она ничего вамъ не сдѣла-
ла . . . Она наша добрая, милая се-
стра . . . Но увидя ее, нельзя не испу-
жаться. И шамъ, . . . и здѣсь . . .

« Что завзоръ? перехватила съ не-
терпѣніемъ Игуменья. Ты, Агафія,
ошвѣчай: чего вы испужались?

« Преподобная мать ! Я не въ силахъ говорить , я вся дрожу отъ страха .

« Говори же , я приказываю .

« Мы пошли съ сестрою Луціею въ предѣль Скорбящей Богородицы , и увидѣли Станиславу на колыняхъ у подошья олшаря . Она молилась съ такимъ усердіемъ , что мы боясь помѣшать ей останоились въ нѣкошоромъ разстояніи .

(Тутъ замѣнилъ я что Станислава пришла въ крайнее замѣшательство) .

« Вдругъ увидѣли мы что она упала , и бросились ей помогать . Она была такъ холодна какъ ледъ и казалась безчувственъ : мы подумали что она ушиблась и отъ того сдѣлался ей обморокъ ; бѣжимъ иребовать вашей помощи , и находимъ здѣсь ту , которую ославили въ церковь умирающею .

Мы съ изумніемъ другъ на друга емопрѣли . Наконецъ Игумняа спросила : шочво ли вы ее видѣли ?

« Обѣ вмѣстѣ ошѣчали: хоть умереть сей часъ, если мы не правду сказали.

Игуменья обратилась къ Станиславъ; спросила: была ли ты въ придѣлѣ?

« Нѣтъ, я сего дня туда не входила.

Она хотѣла удалиться, но Игуменья ее удержала. Ошанься въ этой комнатѣ; и не выходи а мы пойдемъ по-смотримъ въ то тамъ предъ олтаремъ: Богородицы. Если онѣ не ошиблись, то та, которую за тебя приняли, должна еще тамъ быть, ибо не лзя такъ скоро придти ей въ чувство.

Станислава примѣтно трепетала, ужась ея былъ чрезмѣренъ, и холодный потъ ручьями текъ по лицу ея.

Мы все пошли въ придѣлъ, и обьяны были смертельнымъ страхомъ, увидѣвъ предъ олтаремъ ту самую Станиславу которую оставили въ комнатѣ. Она не была въ обморокъ, а молилась

передъ образомъ. Монахини начали креститься; и въ сію минуту вошла другая Спанислава. Лишь только она увидѣла ту, которая находилась въ придѣлѣ, по испустивъ громкій крикъ упала въ обморокъ. Мы старались помочь ей, она не подавала никакого знака жизни, и мы рѣшились опхнести ее на постелю. Между тѣмъ взглянули на то мѣсто гдѣ была другая Спанислава.... Она уже исчезла. — Великій Боже! вскричала Игуменья, это вѣрный знакъ скорой ея смерти: мы опхесли Спаниславу въ ея келью, и нѣсколько часовъ тщетно старались возвратить ей чувство, но въ самое сіе время многія монахини увѣрили, что видѣли ее по уворотѣ, по въ придѣлѣ, гдѣ обыкновенно она молилась. Наконецъ она пришла въ себя, но находилась въ крайнемъ изнеможеніи.

На другой день, пришедъ опять въ монастырь, я услышалъ что она чувствовала себя гораздо лучше, и цѣлую

ночь спокойно спала. Монахиня, сидѣвшая надъ нею, заснула, и она сама подъ утро ее разбудила, чтобъ попросить поѣсть. Я подлинно нашель ее крѣоче, а черезъ вѣсколько дней она вспалась поспели, и казалось, что послѣ сей болѣзни получила новую жизнь. Съ прежнею дѣятельностію, она спала живѣе и веселѣе, такъ что мы вькогда не видывали ее въ столь хорошемъ расположеніи духа. Такимъ образомъ прошель цѣлый годъ, во вдругъ они опять впала въ задумчивость, не молилась уже, но источники слезъ безпрестанно текли изъ глазъ ея. Горесть сія показывалась въ иномъ видѣ, и по прошествіи другаго года, обратилась въ совершенное отчаяніе. Я всякую минуточку пренешала чтобъ не рѣшилась онъ на самоубійство; тщательнo замѣчая всѣ ея шаги, сообщала я свои мысли Пугачеву, и мы оба и ходились въ чрезвычайномъ безпокойствѣ.

Нѣкнунѣ праздника Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, зная, что мона-

хнии готовясь торжествовать оный, обыкновенно исповѣдываются и причащаются, я пришелъ очень рано въ монастырь, и удивился смятенію тамъ царствовавшему: всѣ бѣжали, крестились, вздыхали, какъ бы наслупилъ страшный судъ. Монахини собирались толпами, шѣснились, кричали, и въ семь общемъ волненіи я ничего не могъ понять. Меня проводили къ Игуменѣ, я спросилъ ее о причинѣ сего общаго безпорядка. Ахъ! Преподобный отецъ, вскричала она, сколь люди обманчивы! Могли ль бы вы подумать что въ благочестивая Спавислава, которую я цѣлой общицею представляла примѣромъ, которую мы всѣ заживо почитали какъ свящую; могли ль бы вы подумать что въ она насъ обманывала? что въ подъ покровомъ побожности была она извергомъ лицемерія?

« Невозможно !

« Я не вѣрила собственнымъ своимъ глазамъ, когда до ушра привели ее ко мнѣ.

« Но какое же ея преступленіе ? »

« А развѣ я вамъ еще не сказала ? Ахъ ! ужасъ распроишь всѣ мои мысли . . . не мудро и помѣшаешься ошъ иакого приключенія . . . Говорите шеперь, что вы знаете сердце человѣческое Нѣтъ , я не спану уже вѣришь никому на свѣшъ , хотя бы кто имѣлъ красно-рѣчіе и образъ Ангела. Выслушайте и судите : сего дня, по ушру, очень рано, сестра, имѣющая ключи ошъ ризницы, вошла туда чтобы все приготовить, и увидѣла приврашницу , сію мвиму Сяншю Спаниславу , увидѣла ее въ Свѣтскомъ одѣяніи и гошовую выйши изъ монастыря. Она ее остановила, и привудила останошья. Спанислава бросилась къ ногамъ ея , закликала именемъ Бога не измѣняшь ей , и обѣщала никогда не дѣлать болѣе подобнаго покушенія : но спарица была неумодима ; она созвала всѣхъ монахинь , которыя сбѣжавшись на шумъ ея пришицили ко мнѣ Спаниславу. Судите о моемъ изумленіи и ужасѣ , когда предшавили ко мнѣ сію

лицемѣрку въ дорожномъ платьѣ, и рассказали все происшедшее. Она не могла ничѣмъ оправдаться, и призналась, что подливно уходила она изъ монастыря, по узызелію совѣсти принудили ее возвратиться опять въ оный. Ее обременяли ругательствами, и думаю разперзали бы на части, если бы я тому не воспрошивилась, и не избавила ошь оной вельѣ заключишь ее въ темницу. Я не хочу и не могу рѣшить одна столь важное дѣло, и въ первый минуты смятенія ничего не въ состояніи была обдумать. И такъ положила сдѣлать общее собраніе и виновная будешь судима по большинству голосовъ.

« Или вы думаете что мнѣнѣ большаго числа всегда бываешь справедливейшее ?

« Нынѣ, напротивъ, я васъ прошу, Преподобный отецъ, не откажишь мнѣ въ своихъ совѣтахъ въ семъ столь необыкновенномъ случаѣ.

« Здѣсь потребна величайшая осторожность, и я охотно предлагаю вамъ

всѣ пособія которыя отъ меня будушъ зависѣть.

« Скоро всѣ соберутся , и вы меня одолжите если согласитесь съ нами присутствовать. Замѣчайте все со вниманіемъ, показывайте мнѣ мои ошибки и помогайте поправлять ихъ.

« Я еще вамъ повторяю, что дѣло сіе требуетъ величайшей осторожности и хладнокровія. При первомъ возрѣвіи поступокъ ея кажется весьма виновнымъ , и не имѣющимъ никакого оправданія, но одно пропущенное вами обстоятельство, могло бы дать оному совершенно иной видъ. И такъ не будьте скоры въ своихъ сужденіяхъ, обдумайте хорошенько вопросы которые славите ей дѣлать, и не употребляйте при оныхъ излишней строгости; тихоспію и свиходніемъ гораздо больше можно выиграть , и скорѣе принудить виновнаго къ искреннему признанію. При допросѣ же надъ юд и те всѣ ея движенія , а особливо не спѣшите произнести при-

говоръ. . . . Помыслиште такую тяжкую обремените вы свою совесть, если učinя несправедливое рѣшеніе, осудите невинную на вѣчное несчастіе.

Тутъ пришли доложитъ Игумень, что всѣ уже спарицы собрались въ назначенной къ тому залѣ: — Послѣдуйте за мною; сказала она мнѣ, и мы вмѣстѣ въ оную вступили. Скамьи всѣ были покрыты чернымъ сукномъ, равно какъ и шоль посвященный на красномъ коврѣ: на шоль стояли зажженные восковыя свѣчи, Распяшіе, мертвая голова, и трещетка. По лѣвую спорону находился другой шоль, также черный, съ бумагою и чернильницею, а передъ нимъ стулъ для монахини управляющей должностъ писаря. Всѣ — сестры сидяція на скамьяхъ, составляли полукружіе около шола, и ожидали шолько яась.

Мрачное молчаніе царствовало во всемъ собраніи. При входѣ нашемъ всѣ монахини встали съ своихъ мѣстъ и низко поклонились.

Игуменья сѣла въ креслахъ позади
 большаго стола, и посадила меня по
 правую у себя руку; по мивушномъ
 молчаніи, она начала говорить :

Любезныя сестры!

« Весьма печальное приключеніе насъ
 здѣсь соединяетъ ; должно объявить
 свое мнѣніе объ оскорбленіи учинен-
 номъ Богу и Святой Его церкви, раз-
 смотримъ со вниманіемъ дѣло сіе, пре-
 де нежели на что вибудь рѣшимся,
 дабы не посрамить священнаго сего
 мѣста несправедливымъ рѣшеніемъ, и не
 обремѣнить преступленіемъ души наши.
 Спашемъ всѣмъ всякое свое слово, и
 если вы увидите что я заблуждаюсь,
 то мудрыми вашими совѣтами, обрати-
 те меня на путь истинный. Прежде
 всего, изслѣдуемъ себя; чиста ли наша
 совѣсть, достойны ли мы рѣшить
 судьбу виновной? и если есть межъ
 вами пакія, коихъ укоряють собщен-
 ные пропуски, да удалятся онѣ въ
 молчаніи, ибо грѣшники не могутъ осуж-

дашь другихъ, а нашъ приговоръ долженъ сплунеть быть управляемъ чистѣйшимъ праводушіемъ.

«Возвысимъ сердца наши ко Господу; спавемъ молитъ Его, да ниспошлетъ Онъ на насъ божественный Свой Духъ, дабы просвѣтишь умъ нашъ, и вдохнушь въ насъ праведное рѣшеніе».

Всѣ монахини пали на колѣна и въ молчаніи молились. Потомъ каждая заняла свое мѣсто. Игуменья подала знакъ, ударивъ три раза въ шестокъ, и вошли двѣ бѣлицы, получившія приказаніе причесати Спаниславу. Она вскорѣ появилась и ее посадили на стулъ, стоявшій противъ Игуменьи за большимъ чернымъ столомъ. Она не оказывала ничмалѣйшаго замѣшательства, хотя видъ имѣла мрачный и горестный; опчаяніе было написано въ глазахъ ея; кои обращала она на всѣ окружающіе предметы: на лицъ ея не видно было никакохъ слѣдовъ боязни или безпокойства. Одежда ея состояла въ бѣломъ

кисейномъ плащѣ, по модѣ сшитомъ, и въ бѣломъ плащѣ на головѣ, чалмою на колонномъ. Она ожидала своего пригвозора съ такою холодностію и равнодушіемъ, которые меня удивили и показывали въ ней или величавѣйшее существо, или самую ожесточенную грѣшницу.

« За чѣмъ ты здѣсь? » спросила ее Игуменья.

« Чшобъ отвѣчать на всѣ вопросы которые мнѣ будутъ дѣлать. »

« Какая причина побуждала тебя уйти изъ монастыря и учинишь столь важное оскорбленіе Богу и Святой Его Церкви. »

« Я не могу отвѣчать прямо на сей вопросъ, нѣ помужь это для васъ и не нужно. Я удалялась изъ стѣнъ сихъ, дабы сдержавъ клятву прежде мною данную на жертвенникѣ любви. Но скорѣ совѣсть во мнѣ пробудилась; я содрогнулась помысля о прегрѣшеніи моемъ предъ Господомъ, и добровольно возвратилась въ сію обитель. »

Всѣ сепарицы вскричали: какъ, возвратилась? Одна изъ нихъ примолвила: безстыдная лживица! Не я ли тебя оставовила въ ту минушу, когда гоповилась ты бѣжашь?

« Нѣтъ, ошвѣчала съ холедностію Спанислава, ты подумала что я собиралась бѣжашь, когда напрошивъ я шолько что возвратилась въ монастырь, и располагалась пройши тайво въ свою келью; еслибъ мнѣ удалось здѣлать сіе не бывъ никѣмъ примѣченною, то ни одна изъ васъ не узнала бы о моей ошлучкѣ.

« И такъ, ты подлинно провела всю вочь внѣ спѣвъ монастырскихъ?

« Точно такъ.

« Сколько, на примѣръ, часовъ.

« Не считайте часами, я находилась въ ошсуществованіи два года съ половиною.

« Всѣ монахини съ удивленіемъ другъ на друга смолрѣли, потомъ вскричали: она съ ума сошла, она пошереяла разсудокъ, она лжешь.

« Ныпъ , я говорю совершенную правду , и какого бы вы не были мнѣнія о моемъ разсудкѣ , я еще повторяю что уже прицѣпъ мѣсяцовъ какъ я оставила вашу обитель . »

« Гдѣ же ты жила все сіе время ? спросила Игуменья . »

« Сего никогда вы не узнаете . »

« Она сама не знаетъ , что говорить , сказали опять сестрицы , она повредила въ умѣ и воображаетъ , что была въ отсуствіи , или вселился въ нее злый духъ , и омрачила ей глаза . »

Тутъ началъ говорить я : вы мнѣ позволите сказать свое мнѣніе . Еслибъ она подлинно помѣшалась , то не узнали бы мы сего изъ словъ ея или поступковъ . Съ того времени какъ находишься оны въ семь монастырѣ , замѣтили ли кто въ ней малѣйшую расстройку въ умѣ , и не пропавъ того , не всегда ли поведеніе ея было примѣрное ?

« Правда ваша . »

« Да, отвѣчала Спанислава, въ сорока шести миляхъ, а можешь быть и дальѣ. »

« Какъ имя сего мѣсяца? »

« Это моя пѣйна » .

« Какая ложь! вскричала одна изъ сестеръ, можешь ли ты запереться, что вчера за вечернею, ты подлѣ меня стояла, и сама зачинала молишву передъ исповѣдью? »

« Нѣтъ, не я; уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ я не входила въ вашу церковь. »

« Или думаешь ты оспоришь, свидѣтельство собственныя твоихъ глазъ? »

« Она совсѣмъ обезумѣла, » сказала другая.

« Можешь быть, » отвѣчала Спанислава съ насмѣшливою улыбкою.

» Позвольте, прерывая сестра ризничая, позвольте, Преподобная мати, чѣмъ бы я уличила сію безстыдную въ глазахъ цѣлаго общества, чѣмъ бы обрвала личину подъ которою она скрывается. Вы всѣ знаете что на прошедъ

шей недѣль, мы возобновили свое посприженіе; (обратясь къ Славиславъ) «ве и ли сама обрѣзывала шебъ волосы?»

«Нѣтъ, ве мнѣ.»

«Мы всѣ это видѣли, перехватили прочія спарицы, мы всѣ тушь были.»

«Сорвите плапокъ съ головы ея, сказала черная, ешлы она упорешвуешъ въ своемъ отрицаніи.»

Славислава съ холодностію развела свой плапокъ и прекрасные длинные волосы покрыли ее гораздо выше пояса.

«Небо! что это значить? Вскричали изумленные мовяхани. Мы сами видѣли какъ спригли ей волосы Могли ли они такъ скоро ошрости? Тушь кроеша колдовство Она вѣрно имѣеть сообщеніе съ діаволомъ.»

«Осмолрите хорошанько ве накладные ли это волосы, сказала обвиняемая съ горькою улыбкою?»

Всѣ окружили ее, и удивленіе умножалось когда увѣрились, что это точно были собственные ея волосы.

Въ сію мигуту вшелъ къ намъ начальникъ Полици, и съ величайшою учтивостію извинялся, что осмѣлился проникнуть въ наше собраніе, оправдываясь въ томъ своею должностію и важнымъ извѣстіемъ до монастыря касающимся. Онъ пріѣхалъ сообщать Игуменъ, что въ прошедшую ночь, часу въ одиннадцатомъ, подъѣхала карета къ монастырскимъ воротамъ, и вскорѣ потомъ, онъ увидѣлъ что бросилась въ одну сестра Спавислава, которую онъ очень зналъ. Она была въ бѣломъ платьѣ, примолвилъ онъ; молодой чело-вѣкъ принялъ ее въ свои объятія, и карета съ такою скоростію поскакала, что я не могъ ее остановить. Она поѣхала по Булонской дорогѣ, я послалъ догонять ее, и надѣюсь въ скоромъ времени возвратишь къ вамъ бѣглянку.

Трудно описать ужасъ монахинь при сихъ словахъ; одна Спавислава сохранила свое спокойствіе, и не видно было ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ ея.

« Какъ, спросила изумленная Игуменья! вы утверждаете, что разсыльщики ваши гонятся за Спаниславою.

« Я васъ точно въ шомъ увѣрю, отвѣчала она.

« Но вошь та самая Спанислава, которая за то только, что имѣла намѣреніе бѣжать, здѣсь теперь судится.

Начальникъ Полиціи подошелъ ближе, и узнавъ Спаниславу опспунилъ назадъ нѣсколько шаговъ. Великій Боже! такъ, . . . это точно она . . . та самая, которая при мвѣ въ сію ночь уѣхала . . . То же платье . . . Тѣ же чертвы . . . Тошъ же спанъ . . . Какъ могла она возвратиться? Люди мои и теперь еще за вѣю гонятся.

« Что вы обо всемъ этомъ думаете? спросила меня испуганная Игуменья.

« Въ сію минуту, мы не можемъ остановиться ни на какой мысли. Приключеніе сіе представляется намъ въ столь справномъ видѣ, что должно предославить времени рѣшеніе сей

загадки. Потомъ обратился къ начальнику Полиціи, я благодарилъ его за пощеченія, и просилъ продолжать оныя, спараясь возвратишь въ монастырь бѣглявку. Онъ удалился.

По выходѣ его, Игуменья меня спросила, за чѣмъ хотѣлъ я, чтобы спараясь намъ возвратишь ту, которая была въ нашихъ рукахъ. Произшествіе сіе, отвѣчалъ я, слишкомъ непослужимо, чтобы не брать и излишнихъ предосторожностей.

Будучи въ себя, наспопительница опять обратилась къ Спаниславъ: Я заклинаю тебя всѣмъ, что ни есть священнѣйшаго! скажи мнѣ, кто ты?

« Я ваша Спанислава; вы меня уже столько лѣтъ знаете.

« Объяви мнѣ истинну, это крайне для меня важно.

« Я сказала вамъ сущую правду.

« И такъ, началъ я, ты самая и Спанислава, которая поспригласъ здѣшней общели.

« Точно такъ.

« Уходила ль ты изъ оной въ нынѣшнюю ночь ?

« Напропивъ я въ нынѣшнюю ночь опять сюда возвратилась.

« И ты все утверждаешь, что находилась въ оплукѣ придцашъ въсацовъ ?

« Утверждаю.

« Какъ же это здѣлалось ?

« Самымъ простымъ образомъ : я ушла изъ монастыря назадъ тому два года.

« Но ты все жила съ нами, и съ перваго своего всигупленія въ сію обитель, никакъ не замѣшля, чшобъ ты оплучалась.

« Очень вѣрю.

« Какъ же могло произойти такое до ?

Или я не знаю, или не хочу сказать.

Невозможно.

« На это вѣчего отвѣчаешь.

« Еслили жь подлинно находилась ты въ отсутствіи, то для чести своей должна опкрышь мѣсто своего убѣжища.

« Никогда.

« Или думаешь ты что нельзя себя къ тому принудишь?

« Никакою въ свѣтъ силою, и еслили хотише искынашь мое постоянство, то пригошовъше ваши пытки.

« Какую жь можешь ты теперь имѣть надежду?

« Я въ вашей власти; судьба моя отъ васъ зависить, и какой бы ни произвели вы приговоръ, увидите, что я покорюсь оному съ швердостію и терпѣніемъ.

« Можешь ли присягнуть надъ Евангелиемъ и принимая Святное причастіе, что ты дѣиспвительно по посприжевіи своемъ въ семь монастырѣ, отпущалась изъ онаго на шридцать мѣсяцовъ.

« Конечно могу , не опасаясь угрозы-
вой совѣсти.

« Вѣришь ли ты , что Богъ тебя
накажетъ если учинишь ложную клят-
ву?

« Я не боюсь наказанія , потому , что
стану присягать въ истинѣ.

Тутъ обратился я къ некоторымъ
старикамъ : отнесите ее въ заключе-
ніе. . . Ты сего дня же получишь фор-
му присяги , и шебъ даеися недѣля на
размышленіе.

Ее опять отвели въ шемницу.

По выходѣ ея , Игуменья меня спроси-
ла , какое мое мнѣніе о семъ дѣлѣ. Мо-
вахивы повторяли что тутъ кроется
колдовство ; но я уговаривалъ ихъ осми-
слить сію вздорную мысль , и ожидать
ошь времени объясненія непонятнаго
сего происшествія. По крайней молитвѣ
Игуменья распустила Духовный совѣтъ,
и легко можно вообразить , какъ всяка
во мала себѣ голову , чтобы развязать
сей шоль зашнанный узелъ ; но я

хотя удаленъ былъ отъ всякаго суевѣрiя, однако не могъ постигнуть естественной причины шоль чудеснаго случая.

Мы скоро получили извѣстiе о другой Спанъ-лавѣ, за копорюю гнѣлись посланные отъ Полициi. Ее видѣли то на шомъ, то на другомъ яму съ молодымъ челоукомъ, и описанiе дѣлаемое о ней совершенно сходствовало съ нашею Станиславою: не было ни малѣйшаго различiя, но кѣмъ можно подозрѣвать что шуть есть ошибка. Но люди наши никакъ не могли насичъ бѣглецовъ, которые все были впереди. Сравнивая различныя донесенiя, мы нашли, что утверждали будто ихъ видѣли въ одно и то же время въ весьма дальнихъ разстоянiяхъ. Наконецъ и совсемъ потеряли слѣды ихъ.

Между шѣмъ наша узница съ такою крепостiю и перитiемъ свосила судьбу свою, что и шѣ изъ монахинь, кѣшорыя наиболее устремлялись къ е

догибели, принуждены были удивляться и сожалѣть о ней. Она безпрестанно молилась, и обѣщала дать требуемую присягу.

Сей страшный день наступилъ: монахи собрались опять въ Духовномъ совѣтѣ, и когда привели Станиславу, то безпокойство написано было на всѣхъ лицахъ. Я говорилъ рѣчь на ужасныя послѣдствія лживой присяги, толковалъ важность оной въ нравственномъ и философическомъ смыслѣ, но не дѣлалъ никакихъ увѣщаній, ибо опытъ нами доказываетъ, что оныя ни къ чему не служатъ; и если сердца слушателей пронуты силою разсужденій, то они сами себѣ гораздо больше скажутъ, нежели всѣ наши поученія. Однакожь я не пренебрегъ употребить въ своей рѣчи сіе волшебное краснорѣчіе, которое производитъ поль сильно дѣйствіе надъ слушателями. Говоря съ жаромъ и выразительностію, я устремилъ взоръ свой на Станиславу, и старался поколебать душу ея; но она смотрѣла

ва меня съ такимъ равнодушіемъ , и слушала съ такою холодностію , какъ бы рассказывала я ей совсѣмъ постороннее дѣло. Окончивъ я , спросилъ ее , точно ли намѣрена она приступить къ присягѣ ? — Непремѣнно ; отвѣчала она мнѣ. Я подаль ей Священный сосудъ въ одну руку , а Распятіе въ другую. Она произвела свою кляшву :

« Я, Жанешпа - Сшавислава, монахиня
 « Урсулинской Вибіенской обители, предъ
 « лицомъ Всемогущаго и Всевидящаго
 « Бога, торжественно здѣсь присягаю
 « въ томъ, что цѣлые тридцать мѣся-
 « цовъ, находилась въ удаленіи отъ
 « монастыря сего, и жила въ такомъ
 « мѣстѣ, которое совершенно свободно
 « всякаго монашескаго принужденія; что
 « не могла я пропикиться гласу своей
 « совѣсти, и добровольно возвратилася
 « въ свою обитель; что намѣреніе мое
 « было жить съ своими сестрами, такъ
 « какъ до оплочки моей, и что я вѣрно
 « бы оное исполнила, если бы не об-
 « крылось мое преступленіе. Сказавъ

« мною теперь есть сущая правда: я
 « клянусь въ томъ самымъ Богомъ, Ко-
 « торый, надѣюсь, поддержитъ бодрость
 « мою въ послѣднія минуты моей жизни
 « и по милосердію Своему отпустить
 « мнѣ грѣхи мои. Если есть что не-
 « справедливое въ объявленіи моемъ;
 « если призвала я Бога въ свидѣтели
 « ложной присяги; то пусть ниспадутъ
 « громы Его на виновную главу мою;
 « да удалится отъ меня въ смертный
 « часъ, Ангель мой хранитель; да ис-
 « ключитъ меня Господь изъ числа
 « Своихъ избранныхъ; да отниметъ отъ
 « меня милосердную Свою десницу; да
 « обратится къ осужденію моему шло
 « и кровь Его, Которую гоголаюсь я
 « принять, и да поспигнетъ меня въ
 « ное Его проклятіе, безъ всякой на-
 « дежды къ помиловенію. »

Я содрогался вида съ какою швердо-
 стію произносила она слова сія, и съ
 какою неустрашимостію обращала взоръ
 свой на Священный сосудъ, то на
 распятіе, Которые держала въ рукахъ

своихъ. Потомъ она причастилась съ крайнимъ благочестіемъ, и испоргла слезы изъ глазъ присутствующихъ. По совершеніи сего обряда, я увѣщавалъ монахинь отвратить мысль свою отъ шайнственнаго сего прилюкченія, и не спарашься болѣе въ оное провикнуть, ибо надлежало удовольствоваться присягою, коей сами онѣ были свидѣтельницами. Совѣтъ не наложилъ никакого наказанія на виновную, потому, что хотя она и призналась, что находилась долгое время въ оплучкѣ, но не лзя было обвинять ее въ преступленіи должвосшей, кои всегда съ точностію она исполняла, къ тому жъ и самое отсутствіе ея никѣмъ не было замѣчено. Когда всѣ утвердили сіе рѣшеніе, то Станислава просила, чтобъ оставили ее кончить въ покоѣ мѣсяце число дней ей назначенныхъ, и чтобъ болѣе не занимались ею. Она примолвила что дала обѣщаніе не говорить ни слова до самой своей смерти, и что Богъ возвѣщилъ ей оную къ шридцати

первому Октября, въ день праздника Святой Урсулы во имя которой сооружена сія обитель. Все собраніе было объято священнымъ ужасомъ.

Она удаляясь, сказала: «Простите, любезныя сестры, я уже болѣе для васъ не существую.»

Пророчество заключающееся въ послѣднихъ ея словахъ здѣлало удивительное впечатлѣніе надъ всѣми монахинями, и надъ самимъ мною. Съ сей минуты она хранила совершенное безмолвіе: молилась, исполняла всѣ свои должности, но не прерывала наложеннаго на себя молчанія. Она походила на движущійся скелетъ: силы ея очевидно умалались, я разочия дни, которые по словамъ ея оспавалось ей прожить, я съ ужасомъ увидѣлъ что едва ли достигнетъ она назначеннаго срока. Въ концѣ Сентября, она уже не могла встать съ постели.

Тридцатаго Октября, она прислала званіе меня въ свою келью, и я нашель въ въ чрезвычайной слабости. Вы всегда принимали, сказала она, искреннее уча-

еше въ судьбѣ моей , и достойны всей
 моей довѣренности. Личина низпадаетъ ,
 вѣчность скрывается предо мною , и
 всякое теперь притворство бесполезно.
 Вы найдете здѣсь исторію моей жизни :
 судите обо мнѣ какъ хотите ; издайте
 въ свѣтъ сіи бумаги , или предайте ихъ
 вѣчному забвенію , для меня все рав-
 но Но общайтесь не свимаешь
 печаша , доколь земля не приметъ въ
 свои вѣдра смершныя мои оспатки. Я
 общалъ ей сіе , потомъ исповѣдалъ ,
 причастилъ и даль разрѣшеніе отъ
 всѣхъ грѣховъ. Она вручила мнѣ пакетъ
 подъ черною печашью. Въ слѣдующее
 утро (31 го Октябрю) я узналъ , что
 въ шесть часовъ по полуночи , нашли ее
 мершвую на постелѣ. Исполненіе ея
 пророчества изумило всѣхъ шаридъ ,
 спустя три дни , послѣ ея смерши ,
 трунь ея опустили въ землю , и я со-
 храняя данное слово , не прежде открылъ
 пакетъ , какъ когда-уже ковчилось по-
 грѣбеніе.

Вотъ что онъ заключалъ въ себѣ :

Бумаги Тайственной Монахини.

На оберткѣ было написано :

Не открывайте меня доколѣбъ земля
не покроетъ на вѣки праха писав-
шей сіе.

Вы не ошибались говоря Игуменьѣ, что я родилась не въ шомъ сословіи, въ какомъ себя показывала. Когда вы станете читать сіи строки, моя жизнь уже пресечется, и я не буду имѣть нужды скрывать долге свое имя. Я Принцесса Полина, дочь владѣтельнаго Герцога Гравини: любовь причиною всѣхъ моихъ несчастій; она привудила меня окончить дни свои въ сихъ стѣнахъ. — При дворѣ отца, я познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который съ перваго взгляда овладѣлъ моимъ сердцемъ. Онъ былъ молодъ спѣшею, пріятнаго обращенія; я назвала его своимъ достойнымъ, и показала

ему равно любезною. Я не вступая еще на двенадцатый годъ своего возраста, какъ Герцогъ обѣщаль уже руку мою Принцу де ла Роche, и не зная будешь ли онъ въ состояніи пронуть мое сердце; я должна была сохранять оное для него. При дворахъ не помышляютъ о семь: хладная полшника сопрягаешь руки, не спараясь о соединеніи сердець.

Мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ; когда увидѣла я первый разъ Графа Шефано; онъ вдохнулъ въ меня сильнѣйшую любовь, и я безъ опасенія предалась чувству рождающему во мнѣ тысячу пріятнѣйшихъ ощущеній. Сколь дни сіи были блаженны! Какою сладостию упоилася душа моя!

Однакожь мы принуждены были скрывать любовь нашу отъ глазъ моего родителя. Еслибъ онъ узналъ объ ономъ, сіе было бы для насъ пагубно, ибо Принцъ де ла Роche находился уже при дворѣ нашемъ. Онъ былъ прекрасный молодой

человѣкъ , исполненный ума , и я могла бы любить его но Графъ Стефано прежде представился взору моему , плѣнилъ сердце мое , и я ссорогалась при единой мысли , чтобы пожелтовать имъ его сопернику .

За нами тщательно примѣчали ; но кто можетъ проникнуть тайны любви ? Я имѣла вѣрную пріятельницу Фоспину Марашши , которая помогала мнѣ скрывать спрассть свою отъ быстраго взора придворныхъ , а особливо отъ любопытства Маршалши Бенціо , самой лукавой при дворѣ женщины . Графъ имѣлъ также другомъ Господина Зампони , человѣка хитраго и проворнаго , который научилъ меня искусству сообщать знаками мысли свои . Помощію сихъ двухъ повѣренныхъ , мы часто находили случаи свободно разговаривать , и пощаенная лѣспница подавала Графу способъ проходить во внутренніе мои покои . Между тѣмъ Герцогъ объявилъ мнѣ , что въ скоромъ времени должна я дать руку свою

Принцу , копорый наспоятельно пре-
бываль рѣшенія судьбы своей.

Судите о моемъ положеніи. Два раза
принимала я маѣреніе бѣжать; и два
раза Зампони прѣпиваясь оному, воз-
вращаль меня тайно во дворець. Гер-
цогъ удвоиваль свои убѣжденія: я долж-
на была бороться съ родипельскою
маштію и пришворилась больною, чпобъ
вереспали принуждать меня къ нева-
зиспному сему браку. Зампони и тупць
услужиль мнѣ; онъ научиль меня какъ
показывать на лицѣ всѣ признаки болѣз-
ни. Часпо приводиль онъ ко мнѣ Графа
и свиданіе съ нимъ придавало мнѣ силы
выдерживать свою ролю. Однакожь про-
лицательность придворныхъ , открыло
наконецъ тайную сію связь: положили
разлучить сердца наши, не раздирая
ихъ, и хитросліями довести насъ до
того, чпобъ любовь сія обратилась въ
везиспль, ибо они увѣрѣны были, что
силою не заставлятъ меня дать руку
мою Принцу. Начальники сего умысла

употребили все возможное для произведе-
 ния онаго въ дѣйствіе : ухищренія,
 обманы, ложные наговоры; ничто не
 было забыто. Видя же, что всѣ ихъ
 старанія оставались безуспѣшными,
 они рѣшились обратиться всѣ свои ору-
 жія противъ моего любовника, и до-
 стигли желаемой цѣли восплававъ его
 ревностію. Молодой Графъ Бельфіори
 учинился жертвою адской сей выдумки:
 они столь хорошо умѣли возбудить
 противъ него подозрѣнія Графа Шеф-
 зо, что въ одну ночь считая его вы-
 ходящимъ тайно изъ моихъ покоевъ,
 онъ напалъ на него посреди улицы, и
 лишилъ жизни. Тѣ, кои побуждали его
 къ сему поступку, сдѣлались первыми
 его обвинителями, и отецъ мой, ко-
 торый зналъ все происходящее, но не
 смѣлъ явно притѣснить его, велѣлъ
 ему сказать чтобы онъ удалился для
 избѣжанія всѣхъ слѣдствій по сему дѣлу.
 Уже изверги торжествовали видя пред-
 пріятія свои увѣчанныя успѣхомъ, но
 я умѣла оныя уничтожить въ шу са-

мую минуту когда поздравляли они себя съ совершенною побѣдою. Я объявила въ присутствіи самаго Принца, что навсегда отказываюсь отъ брака и любви: горесть моя повергла меня въ опасную болѣзнь, которая всѣхъ заставила шептаться о моей жизни. Зампови всегда помогала мнѣ вести переписку съ Графомъ, но путь вдругъ она прекратилась, и я долгое время не получала о немъ никакого извѣстія; наконецъ я уговорила друга его, ѣхать самому его опѣскивать, и онъ нашелъ его въ Венеціи. Между тѣмъ Принцъ де ла Роше потерялъ всю надежду получить меня въ супружество, если бъ я и не опияла у него оную, что скорая смерть моя должна бъ была ее похитить. Замѣпивъ перемѣну сію въ мысляхъ Принца, старались обратить его вниманіе на прелести Теодоры, моей сестры, между нами такое было сходство, что не могли различаться, и сей новый бракъ вскорѣ совершился къ великому удовольствію

моего родителя, который всегда желалъ соединить сіи два дома. Въ сіе время Замони убѣдилъ Графа возвратиться ко двору, гдѣ всѣ сдѣлали ему самый ласковый пріемъ; но я одна была для него невидима; тщетно вопрошала онь всѣхъ о судьбѣ моеи, никто не хотѣлъ его объ оной уведомить, и потеря моя повергла его зъ жесточайшее огорченіе. Но какъ скоро силы мои возвратились и здоровье поправилось, то Фослина уведомила его чрезъ одну изъ своихъ пріятельницъ, что онь увидитъ меня въ назначенный къ тому день... Онь лепитъ на свиданіе... мы бросаемся въ объятія другъ друга... Часы блаженные! коль быспро ваше печеніе—... Однакожь мы рѣшились болѣе не разлучаться... рѣшились бѣжать и жить лишь для любви въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ! Замони помогъ намъ въ семъ предпріятіи; и одѣлась какъ простая мѣщанка и съи въ карету своего любовника. Страхъ, надежда, и любовь сражались въ моемъ

сердцѣ; но любовь одержала верхъ надъ боязнію. Мы ѣхали нѣсколько дней не испытывая никакой непріятности, но не смѣли останавливаться, чтобъ не впасть опять въ руки своихъ гонителей. Наконецъ упомясь ошъ долговременнаго пути, мы вознамѣрились отдохнуть въ маленькомъ городкѣ, ошъ котораго отдѣлялъ насъ только одинъ лѣсъ. Сердце мое сильно билось, ужасныя предчувствія смущали духъ мой: въ среднѣ лѣса, мы услышали пистолетный выстрѣлъ, кучерь упалъ и разбойники на насъ напали; они подѣхали къ той сторонѣ, на которой находился мой любовникъ, я отворила противные дверцы, и кинулась въ густополу лѣса, крича Графу, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною. Въ сомнѣнія разбойники меня не замѣтили, а я была объята ужасомъ и не оборачиваясь назадъ бѣжала сколько позволяли мнѣ мои силы. Наконецъ страхъ и усталость повергли меня въ безпамятство, а изъ обморока перешла я въ глубокій сонъ, кошмарный укрѣпляет мои силы.

На другое утро, я проснулась уже очень поздно и думала, что видѣла во снѣ печальное сіе приключеніе, но просянувъ руку, мохъ, служившій мнѣ посселею, удосповѣривъ меня въ гѣреспной истинѣ, и показала мнѣ всю великость моего вѣщасшія. Я вспала . . . видя себя одну, плакала . . . звала Графа . . . испускала вопли . . . но тщетно . . . Одинъ лѣсъ внималъ моимъ жалобамъ, и имя любовника моего повсорялось лишь ошголосками.

Я бродила по лѣсу, не зная въ какую сторону идти; случай привелъ меня въ самому тому мѣсту гдѣ наканунѣ окружены мы были разбойниками. Земля покрыта была кровію . . . увы! кровію обожаемаго мною предмета . . . но вѣшь уже карешы . . . вѣшь шѣла его . . . одна лишь обогрѣнная прага предсавлялась моему взору . . . искала въ ближнихъ кустарникахъ . . . ничего не нашла, и съ опчаяніемъ въ душѣ, направила шаги свои въ городъ.

Кровавый потъ текъ по лицу моему, трепещущія колѣна едва могли меня поддерживать. Я пришла на посшольный дворъ, и просила чшобъ оптели мнѣ особенную комнашу. Тамъ цѣлую ночь проводила я въ слезахъ. Въ слѣдующее утро хозяйнѣ принесъ ко мнѣ публичныя вѣдомости, и пробѣгая оныя, я нашла спашью касающуюся до моего побѣга; всѣ примѣшны Графа съ шочносшію были означены, но меня предспавили въ придворномъ одѣяніи, не знавъ хипрости къ кошорой я прибѣгнула чшобъ скрыть свое сосшоявіе. Хозяинъ мой, кошорый очень любилъ говорить, рассказывалъ чшо вчерашній день охошники нашли въ лѣсу молодаго челоуѣка, убитаго разбойниками, и его въ городѣ похоронили. Я просила чшобъ описалъ онъ мнѣ убитаго . . . и удосшоворилась, чшо лишилась дражайшаго своего Графа.

Я прежде бсyalась чшобъ не впаль-онъ въ руки нашихъ непріятелей, но кончи-

на его еще болѣе перзала мою душу. Я велѣла проводить себя на гробъ его Ахъ! безъ него цѣлый свѣтъ казался мнѣ мрачною и печальною пустынею. Трое сутокъ орошала я слезами своими землю его покрывающую Одно желаніе оспалось во мнѣ то, чтобъ въ скоромъ времени соединить прахъ мой съ прахомъ любезнаго Я даже покушалась прекратить горестные дни свои, и едва не уступила пресупному сему желанію, но наконецъ рѣшилась удалиться, опречься, отъ міра гдѣ всѣсвязи мои были уже прерваны, погребши себя въ монастырѣ, и пачь посвящши оспашомъ весносной жизни на оплакиваніе моей потери. Я твердо была увѣрена, что Богъ вскорѣ положитъ предѣлъ моимъ спреданіямъ. Въ пятый день, по прибытіи моемъ въ городъ, я расплашлась съ хозяиномъ и пошла опять на могилу моего любовника, чтобъ еще разъ съ нимъ проспихься. Потомъ удалилась изъ города пѣшкомъ, и продолжала чрезъ цѣлый день пущь

свой, увидѣла себя при насупленіи
 лучи у стѣны сей обители. Не имѣя бо-
 лѣе денегъ, я не могла искашь ночлега,
 я принуждена была дожидаться дня, на
 хладномъ камнѣ близъ монастырскихъ
 ворощъ. Я непремѣнно рѣшилась идти
 во упру къ Игуменѣ, и кинуться въ
 ближайшую рѣку, естли она откажется
 принять мевя. Бывъ лишена всѣхъ спосо-
 бовъ доставить себѣ пропитаніе въ
 свѣтѣ, я слишкомъ была горда чтобъ
 просить милоспыню, и можетъ быть
 подвергуть себя поруганію; жизнь не
 имѣла такой цѣны въ глазахъ моихъ,
 чтобъ согласилась я сохраишь оную
 подобными средсшвами.

Меня приняли въ сей монастырь, и
 одному вамъ я обязана за сіе благодареніе;
 Вы не знали сколь важную услугу вы
 мнѣ тѣмъ оказали одни вы спасли
 меня отъ отчаянія Я еще повто-
 ряю, естлибъ Игуменья отвергла
 мою прозьбу, то я пошла бы искашь
 убѣжища въ вѣдрахъ волвъ Прими-

нахъ сихъ , снова разстроила духъ мой. Опчаяніе и крайность привудили меня избрать монашеское сословіе , а надлежало дать кляпву навсегда въ ономъ оспясться . . . Какая ужасная необходимость ! . . . Съ другой стороны , я размышляла что всѣ надежды мои уже кончались , что скѣпъ предалъ меня совершенному забвенію , и я не могла уже ожидать въ ономъ никакихъ для себя радостей ; тогда пюрма сія , коей видъ одинъ приводилъ меня въ трепетъ , казалась надежѣйшимъ для меня пристанищемъ .

Въ сіе время вы убѣждали меня открытъ вамъ мои тайны : двадцать разъ готовы онѣ были излетѣшь изъ устъ моихъ , но наконецъ я одержала побѣду и сохранила ихъ въ груди своей Назначили день моего постриженія , и я зѣдала надъ собою столь великое усиліе , что никто не подозрѣвалъ , какъ была шагосна для меня сія жертва . Туть подвергалась я еще новымъ онышамъ . . .

Я часто сама себя говорила: но естъли живъ еще швой любовникъ, то какую бездну развергаешь ты предъ собою? . . . Скорблящя Богородица учивилась единственнѣмъ моимъ приближенемъ, я молила ее удалить отъ меня мысль сію, но она безирестанно возвращалаеь перзашь меня. Тщепно напоминала я себя, что я плакала на его гробницѣ . . . Я не могла увѣришься чтооь онъ болѣе не сущ-ствоваль; образъ его всюду за мною слѣдовалъ, я видѣла его и на самомъ олтарѣ, и обьяша была невольнымъ препетомъ при произнесеніи кляпчы навсегда мѣня къ оному приковавшей. Вотъ причина горестии моей, по совершеніи обѣщовъ; но молишва и упованіе на Бога оцять оную разстѣли наблюдая съ точкостію всѣ должвосши приличныя моему званію, я учивилась любимицею Игуменши: она думала наградила мою вѣрность, но вмѣсто того навлекла на меня новыя бѣдства, поручивъ мнѣ ключи отъ монастырскихъ воровъ . . . Увы! . . .

они оптерзали мнѣ врага ада! Богъ свѣдѣтель, съ какою ревностію старалась я заслужить сей знакъ довѣренности. Множество дѣлъ на меня наложенныхъ, безпрестанные посѣщители моихъ и лолжна была приниматьъ: все сіе не позволяло мнѣ помышлять о моихъ огорченіяхъ, и я уже начинала считать себя щасливою. Но въ одинъ день дожидаясь васъ у монастырскихъ воротъ, я увидѣла мимо идущаго молодого человека; глаза наши встрѣпились, гласъ удивленія вырвался изъ груди нашей, и мы полетѣли въ объятія другъ друга это былъ Графъ. Мы на минуточку забылись, но воспоминаніе о моемъ состояніи возвратило мнѣ рассудокъ, и я увидѣла, что нахожусь у воротъ монастырскихъ. Графъ любопытствоваль узнавъ, какой случай привелъ меня въ сію обитель. Я боясь быть примѣченною, просила его удалиться и приходите ко мнѣ въ полночь. Судите въ какомъ была я тогда положеніи, какое раскаяніе раздирало мою душу! . . .

Любовникъ мой живъ . . . Но я навѣкъ для него потеряна : непреодолимая преграда положена межъ нами . . . Я дрожала отъ страха , не могла дождаться минуты свиданія , но наконецъ она шагнула : глубокая пищия царствоваала во всей обители , и съ оспорожношю пошла отпереть ему ворота .

Я провела Графа съ свою келью ! и съ восторгомъ предалась удовольствію его видѣшь . Онъ разсказаль мнѣ какъ избавился отъ смерти : разбойники ошяновили его опасно раненымъ и увезли съ собою карету ; сосѣдній дворянинъ проѣзжая черезъ лѣсъ , нашель его плавающего въ крови , и замѣтя въ немъ нѣкоторыя знаки жизни , перевезъ въ свой замокъ , гдѣ прилагаль о немъ всевозможныя попеченія , и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ возвратилъ ему здоровье и силы . Убишый , котораго потомъ нашли въ лѣсу , былъ Графскій человекъ : сходство плашья обмануло меня и заставило оплакивать смерть моего любовника . Что касаешся

до него, по счѣту я меня во власти разбойниковъ, тщетно спарался онъ опъискивать слѣды ихъ. Потомъ опправился въ свое Графство, но къ великому удивленію нашель тамъ Графа Себастіано, спаршого своего брата, котораго давно считалъ умершимъ, и печальное сіе возвращеніе похищало у него большую часть его владѣній. Такимъ образомъ бычь со всѣхъ сторонъ оптягченъ ищ спіемъ, онъ рѣшился нупешествовать для разсѣянія своихъ горестей: вездѣ освѣдомлялся онъ о судьбѣ Замонія, но ничего не могъ узнать, наконецъ случай привель его ко мнѣ. Онъ былъ безупѣенъ видя всѣ надежды свои разрушенными, въ по время какъ уже почиталъ себя на верху щастія; проклиналъ оковы мои, которые препяществовали мнѣ навсегда съ нимъ соединиться. Мы хошѣли бѣжать но мои обѣты положеніе дѣль его все все представляло намъ непреодолимая преповы. Чшобъ не бычь примѣченными, я опшусшила

его опть себя очень рано, обѣщаясь
опять увидѣться. Съ сего времени онъ
всякую ночь посѣщалъ меня. Мы были
одни . . . любовникъ мой имѣлъ . . .
случай благопріятенъ . . . я ослѣвлена
страстію . . . что мнѣ вамъ сказать?
Обладатель моего сердца заспавилъ
меня забыть всѣ мои обязанности. Э то
было пріятнѣйшее время въ моей жиз-
ни: всякую ночь его видѣла, покоилась
въ его объятіяхъ и считала себя бла-
женною. Но мечта скоро исчезла; пре-
ступленіе мое гогово было обнару-
житься . . . Какой ужасъ! учиниться
матерью въ стѣнахъ монастырскихъ! я
съ отчаяніемъ взираю на будущее, и
прешла чпобъ не сдѣлаюсь виновною
не только въ своей смерти, но и въ
погибели моего младенца. Положеніе
было самое горестное: я открылась
въ онѣмъ Графу, который не менѣе меня
былъ тѣмъ пораженъ . . . никакое сред-
ство не представлялось къ нашему сла-
сенію. Тутъ замѣтили вы, что печаль
моя возобновилась. Межь шѣмъ Графъ

встрѣпшяся нечаянно съ Замповіемъ и привелъ его въ мою келью. Надлежитъ сохранишь жизнь вашему младенцу, сказалъ онъ мнѣ; опасаться вамъ здѣсь невозможно, и такъ рѣшитесь бѣжать: нѣтъ иного способа для приведенія васъ въ безопасность. Но дабы избѣжались всѣхъ преслѣдованій, надлежало бы скрыть ваше спусиствіе изъ сей обители, и я нахожу къ тому возможность. Сестра ваша Теодора совершенное имѣетъ съ вами сходство; уведоми ея о вашихъ обстоятельствахъ, и я увѣренъ, по нѣжная ея къ вамъ дружба, заспявши ея заняты здѣсь ваше мѣсто на два или на три мѣсяца. Еслилибъ по несчастію вы лишились жизни, даровавъ оную, то я похищилъ бы ее изъ монастыря, и возвратилъ въ объятія супруга. Но еслили все благополучно кончится, то приключеніе сіе ошъ всѣхъ останется сокрыто. Сестра ваша живеть ошсюда въ сорока шести мѣсяхъ, въ одномъ уединенномъ замкѣ.

Удивительное ваше сходство не доуспишь ни шамъ, ни здѣсь замѣнить подмѣнъ. Завтра я къ ней отправлюсь, и чрезъ нѣскольکو дней явлюсь опять къ вамъ, вѣрно съ хорошими нѣвстными. Онъ оставилъ насъ почти утѣшенными. Надежда оживила сердца наши, и мы съ довольнымъ терпѣнiемъ ожидали его возвращенiя. Тогдашъ по прiѣздѣ своемъ, онъ увѣдомилъ насъ, что Теодора на все согласна, что для спасенiя моего ничто не покажется ей труднымъ, и она шѣмъ удобнѣе можетъ услужить намъ, что супругъ ея находится къ сплучкѣ, и въ замкѣ ихъ очень мало было людей. Надлежало только вести вмѣсто ея переписку съ Принцомъ, въ впрочемъ Замони бралъ на себя продолжити его отсутствiе, сколько нужно сiе для насъ будетъ. Мы условились скрывать нѣскольکو дней Теодору въ моей кельѣ, чтобы научить ее всему, что она должна будетъ дѣлать вмѣсто меня, а по ночамъ показывать ей всѣ части монастыря, дабы ни въ чемъ не

могла ошибиться. Въ слѣдующую ночь сія вѣжкая сестра пришѣла ко мнѣ на помощь. Въ радостномъ восхищеніи мы бросились въ объятія другъ друга, и свиданіе сіе заставило забыть всѣ горести: но Зампонни умѣрлялъ наши восторги, напомя въ какомъ мѣстѣ мы находились. Я одѣла Теодору въ монашеское платье, и никто бы не могъ насъ различить. Ночью я вездѣ ее водила, а днемъ пріучала представлять мое лице, такъ что въ короткое время она могла опправляясь совершенно мои должности. Но въ одинъ день пошли ее предъ олтарь Богородицы, въ ту самую минуту когда была я въ комнатоу въ Игуменнѣ, и сіе мнимое чудо произвело общую въ монастырѣ тревогу; еспли бѣ я дала вамъ время изсѣдовать сіе приключеніе, то все бы открылось, но я впрочемъ пошла за вами, и видя грозившую намъ опасность, громко закричала и припворилась упавшею въ обморокъ. Всѣ кинулись помогать мнѣ, а между тѣмъ Теодора сво-

бодно удалилась. Цѣлый день сидѣли надо мною, и сестра не могла входить въ мою келью, бродила по всему монастырю, оспъ чего и заговорили, что видѣли меня въ различныхъ мѣстахъ въ то самое время — какъ лежала я въ постелѣ. Вечеру сонный порошокъ всыпанный въ вишье монахини, доженспующей проводить ночь со мною, доставилъ намъ удобность привесши къ концу наше предпріятіе.

Я и дѣла платье сестры моей, и она проводила меня до воротъ, гдѣ нашли мы карету приготовленную къ Зампонию; она возвратилась вмѣсто меня въ мою келью, а Зампони отправился къ Принцу. Я тайно прибыла въ замокъ Теодоры, и люди ея ничего не замѣтили. Принцъ часто писалъ ко мнѣ, и какъ научилась я въ монастырѣ подрѣзашъ почерку и слогу сестры моей, то на все оспѣчала ему безъ затрудненія. Однако срокъ мой приближался; я боялась возбудить обидныя подозрѣнія на счетъ Теодоры, и для шого объявила въ зам-

къ, что одна изъ моихъ пріятельницъ приглашаетъ меня провести нѣсколько времени у нее. Я никого не взяла съ собою, и Графъ, ожидавшій меня на дорогѣ, отвезъ въ маленькій, но отдаленный городокъ, гдѣ произвела я на свѣтъ сына который умеръ два дни спустя послѣ своего рожденія. Потомъ въ сопровожденіи любезнаго, возвратилась я въ замокъ сестры моей.

Я топчасъ должнабы была ѣхать освободивъ ее отъ ига, добровольно ею на себя наложеннаго для спасенія жизни и чести моей; но я не въ силахъ была отказатьсья отъ щастія коимъ тогда наслаждалась. Откладывая день за день отъѣздъ свой, я такимъ образомъ провела цѣлые два года, и совсѣмъ забыла о несчастной Теодорѣ; я даже думаю, что никогдабы не возвратилась въ монастырь, ешьлибы не была къ тому принуждена самымъ жестокимъ случаемъ.

Въ одинъ вечеръ я сидѣла на софѣ, подлѣ Графа; онъ прижималъ меня въ своимъ

объяшяхъ, покрывалъ поцѣлуями, какъ другъ отворилась дверь мы смотримъ вообразише нашъ ужасъ, увидя Принца де ла Роche . . . Вѣроломия! вскричалъ онъ спрашнымъ голосомъ, такъ ли должна ты соотвѣтствовать моей нѣжности? Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ мечъ блиставшій въ рукахъ его, пронзиль грудь моего возлюбленнаго; несчастный упалъ въ мои объятія и покрылъ меня своею кровію. . . . Принцъ поднялъ уже руку, чшобъ поразить и меня равнымъ образомъ, но я вскричала: остановись, жестокой! ты въ заблужденіи: я Полина. — Полина! но гдѣжь сестра твоя? — Прежде нежели отвѣчать на сей вопросъ, постараемся сохранить дни, сей несчастной жертвы твоего ослѣпленія; пошомъ я обо всемъ тебѣ уведомяю.

Перевязали рану моего любовника, и лѣкаръ осмошрѣвъ ее объявилъ, чшо онъ находишься въ величайшей опасности.

Принцъ пошребовалъ ошъ меня обьясненія и я во всемъ призналась. Онъ пошпчась велѣлъ подвезши карешу , посадилъ меня съ собою , и полешѣлъ освободить свою супругу. Прибывъ въ сей городъ , мы оспановились въ одномъ пракпирѣ , а ввечеру я пошла къ Теодорѣ , кошорая не смотря на мою неблагогодарность , вѣрно сохранила тайну моего отсутствія . Я принесла къ ней кисейное платьѣ такое же какъ на мнѣ было , и сказала , чтообъ она въ полночь пригошовилась къ отѣзду , и просила Принца взять меня съ собою , что и обѣщаль онъ мнѣ . Но въ полночь велѣвъ мнѣ дожидаться себя въ пракпирѣ , подѣхавъ съ карешою къ монастырю , похишилъ изъ онаго Теодору , и поспѣшно удалился изъ города , оставя меня изъ опмщенія на произволь . судьбы . Когда ударилъ часъ , а никто ко мнѣ не возвращался , шо я начала уже предчувствовать свое несчастіе ; пробило два , и я совершенно въ ономъ увѣрилась : шущъ увидѣла я , что мнѣ ничего инаго

не оставалось дѣлать, какъ заключить себя опять въ сей обители. Съ опчаяніемъ въ душѣ, я рѣшилась на ужасную сію жертву, и помощію своего ключа прошла свободно въ церковь; я уже готовилась пробраться въ свою келью, надѣвъ монашеское платье и продолжая печальную ролю, которую сестра моя за меня играла, но встрѣча съ одною изъ подругъ моихъ обнаружила всю шайну.

По семъ признаніи ничто уже не должно казаться вамъ шемнымъ къ моей исповри; но можете быть вы еще не отгадаете, какъ могла я предсказать съ такою точностію день своей смерти шеперь уже не время васъ обманывать я имѣла у себя ядъ коего сила мнѣ была извѣстна. Боясь суровѣйшихъ наказаній, а можете быть и вѣчнаго започенія, я вознамѣрилась прекративъ свои спраданія, принять пошребное количество сего яду и расчислила дни мнѣ оставшіеся

я достигла уже послѣдняго отпра-
ва сильно дѣйствуетъ скоро пред-
сшану я къ престолу вѣчнаго Су-
дїи Да возришь Онъ милосер-
дымъ окомъ на несчастную да
просишь ей преслупленїя любви ! . . .
Когда вы будете читать сіи строки,
то все уже для меня кончилось. Душа
чувствительная ! вы хотѣли облег-
чить судьбу мою, предупредишь мои
бѣдства. Примите здѣсь благодарности
и послѣднее прощаніе злополучной Прин-
цессы Полины.

*(Тутъ опять начинается повѣ-
ствованіе Графа Стефано.)*

Я опасно былъ раненъ и всѣ отчая-
вались въ моей жизни ; находясь долго
въ лешаргическомъ снѣ , мало рѣзв-
ствующемъ ошъ смерти , я по пробуж-
денїи своемъ увидѣлъ себя на постель ;
у изголовья сидѣлъ слуга , я взглянулъ
на него и узналъ Зампонїа. Вы сами

причиною своего несчастія, сказавъ
 онъ мнѣ: для чего не отвезли обратно
 Полину въ монастырь ея? Я и такъ
 дѣлалъ невозможное, чтобы удержать
 Принца, и безъ меня оплутка его не
 продолжилась бы сколько времени. Къ
 тому жь я предупредилъ васъ чрезъ
 письмо о его возвращеніи; за чѣмъ же
 не приняла вы нужныхъ предосторож-
 ностей? — Я не получалъ сего письма,
 опсѣчалъ я ему: но скажи пожалуй,
 какимъ образомъ находишься ты здѣсь
 въ Принцовой лаврѣ. — Я надѣлъ ее на
 себя изъ дружбы къ вамъ, чтобы луч-
 ше наблюдать всѣ движенія Принца,
 но ваша неоспорочность уничтожила
 всѣ мои мѣры. Теперь вы въ рукахъ
 лютейшаго своего врага и онъ никог-
 да не возвратишь вамъ вольности. —
 Но гдѣ Полина? — Она поѣхала освобо-
 дить Теодору и заключится опять въ
 печальной своей обители. — Ахъ! я
 прелещу объ ея жизни. — Успокойтесь:
 Принцъ никогда не осмѣлился обнару-
 жить ея пощупокъ; ибо участь су-

пруги его сопряжена съ судьбою вашей любовницы. Однако я еще повторяю, что онъ непримиримый вашъ врагъ; хотя рана ваша очень опасна, но онъ не считаешь васъ довольно наказаннымъ надлежитъ сыскать средство, чтобы васъ отсюда вывезли . . . а потомъ мы подумаемъ объ отпущеніи. — Но могу ли я быть вывезенъ? — Положитесь на меня. Принцъ не можетъ такъ скоро возвращаться, ибо онъ долженъ дѣлать большіе объѣзды, опасаясь чтобы въ монастырѣ не открылось его похищеніе, и не послалибъ догонять его. Впрочемъ онъ не можетъ явно противъ васъ пойти: польза и честь супруги его пребудетъ, чтобы приключеніе сіе осталось всмзвѣснымъ.

Нѣсколько дней спустя, чувствуя себя крѣпче; я вспалъ съ постели, и Зампони совѣтовалъ мнѣ какъ можно скорѣе удалиться: все къ нашему бѣгству было готово и я ему обязанъ жизнью и свободою. На окнѣ стояли скляв-

ни съ лѣкарствами, кошорыя долженъ
 бы я принять въ самый сей вечеръ ;
 но онъ всѣ ихъ вылилъ , увѣряя что
 по приказанію Принца въ нихъ положенъ
 былъ ядъ. Мы оставили замокъ ночью
 и прибывъ въ безопасное мѣсто, Зампо-
 ни принудилъ меня перемѣнить имя и
 платье : не удовольствуюсь симъ , онъ
 вычернилъ мнѣ брови и волосы , подкра-
 силъ лице , и споль искусно передѣлалъ ,
 что никто бы не могъ узнатьъ меня.
 Пошомъ простился со мною при въѣздѣ
 въ одинъ небольшой городъ , говоря :
 « Я долженъ оплучиться , но по совер-
 шенномъ вашемъ выздоровленіи вы мо-
 жете найти меня въ Урбино. Однако
 не забудьте , что на пути своемъ
 должны вы уклоняться большихъ до-
 рогъ. Проспите ! » Я выбравъ въ семь
 городкѣ уединенное жилище и очень дол-
 го не могъ излѣчить ранъ своихъ ; на-
 конецъ собравшись съ силами рѣшился
 идти въ Урбино. Не знаю какъ это
 случилось : но въ одинъ вечеръ , я
 вдругъ увидѣлъ предъ собою , самый

шошь замокъ, гдѣ жила Графиня Бель-фиори. Я не могъ пропьянисься желанію еще разъ ее увидѣшь, и велѣлъ ей о себѣ доложитъ подъ ложнымъ именемъ недавно мною принятымъ. Меня встрѣшилъ шошь же человекъ который и преже опредѣленъ былъ къ моимъ услугамъ. Онъ пошелъ къ Графинѣ, и возвращаясь сказалъ: что она нездорова, но проситъ меня осматреться до завтрашняго дня, и тогда съ удовольствіемъ меня приметъ. Я охотно согласился на сіе приглашеніе, и пошелъ прогуляться въ звѣринець: все еще памя было въ прежнемъ положеніи. Я никого не встрѣшилъ во время своей прогулки; глубочайшая тишина повсюду царствовала: солнце на закатѣ слабо освѣщало предметы; легкой вѣтерокъ колебалъ деревья; воды производили пріятное журчаніе, и все вмѣстѣ составляло прелестнѣйшую картину, но вѣкому было удивляться оной. Уединенныя спящія служиція украшеніемъ саду, казались сами погруженныя въ уныніе; одна

Флора, на кошпорую солнце бросало послѣдніе свои лучи, улыбалась, а цвѣты разливали вокругъ ее бальсамическій свой запахъ. Но и сія красота была пошеряня, одинъ я восхищался оною. — Я пошелъ къ иному кругу, гдѣ сооружень былъ намяшкикъ ша же пустоша; мѣсто сіе совершенно было запущено; дороги заросли шравою пробившеюся сквозь песокъ, со всѣхъ шпоронъ цѣплялся я за терновникъ.

Я пѣшилъ удалиться отъ мѣста, гдѣ все напоминало мнѣ ужасный случай, отъ котораго и теперь еще я содрогаюсь. Приближась къ большему пруду осѣненному высокими деревьями, я остановился: мрачное молчаніе цѣлой природы произвело во мнѣ непріятное чувство; грудь моя стѣснилась, невольныя слезы полились изъ глазъ. Я пошелъ далѣе по шропинкѣ находящейся на лѣвой рукѣ, которая вела въ неизвѣстную мнѣ часть звѣринца; и я увидѣлъ себя на возвышенномъ мѣстѣ откуда всѣ окружныя поля предша-

вилась моему взору : разсмащривая въ-
 сколько времени величественное сіе
 зрѣлище , я пожелалъ обойти весь звѣ-
 ринець и направилъ шаги свои къ ближ-
 нему лѣску : сирены , миршы , розовые
 кусты и цвѣты всѣхъ родовъ напол-
 нили воздухъ своимъ благоуханіемъ ;
 шупъ присѣлъ я отдохнушь . Великій
 Боже ! вскричалъ я , коль многихъ на-
 сляждевій лишаетъ себя чловѣкъ соб-
 ственною живою ? почему предаваясь
 спраснямъ оправдываетъ онъ свое бла-
 жество , и становится нечунспивни-
 шельнымъ ко всему его окружающему ?
 печальвѣйшія размышленія заняли душу
 мою , я вспалъ и вышелъ изъ рощи .
 Неподалеку отъ оной , увидѣлъ я родъ
 храма несбыкновеннаго строенія и
 приблизился къ оному . Онъ весь сло-
 женъ былъ изъ гранита , двери брон-
 зовыя на Египетскій манеръ , по естѣ-
 сьверху весьма узкія а къ низу ши-
 рокія . Надписи и гіероглифы начер-
 танныя на всѣхъ стѣнахъ , прида-
 вали сему зданію видъ шамисшвенный и

священный : предъ вратами онаго стояла пирамида изъ дикаго мрамора также покрытая гіероглифами, на вратахъ были написаны слѣдующія слова : (Храмъ прошедшаго.) Я старался отворить ихъ, но тщетныя употреблялъ усилія. Обращаясь назадъ, я усмотрѣлъ длинную аллею ведущую къ замку : въ концѣ оной стояли два сфинкса безмѣрной величины, вырѣзанные изъ гранита, и казалось защищали входъ храма. Какое справедливое иносказаніе ! вскричалъ я ужасныя чудовища зашворяють храмъ прошедшаго. . . . Ахъ ! Аура также чувствуешь пролетѣвшее время навсегда потеряно, что непреодолимая сила препятствуетъ его возвращенію, и пушь къ минувшему щасію навѣки для насъ огражденъ.

Тутъ пришелъ ко мнѣ человекъ, чтобы спросить не въ звѣринцѣ ли хочу я ужинать, но я предпочелъ идти въ замокъ. Прогулка сія возобновила въ душѣ моей горестнѣйшія воспоминанія : обращая взоръ свой на прошедшее, я видѣлъ

протекшее благополучіе, отъ кошораго навсегда долженъ былъ отказаться, устремляя мысль мою къ будущему, усматривая одні лишь густыя облака возвѣщающіе бурю.

Мнѣ подали вкусный ужинъ и наилучшіе вина. Я любопы пспровала узнать чѣмъ нездорова Графиня, и мнѣ отвѣчали что болѣзнь ея душевная. Но развѣ, спросилъ я опять, вѣшь съ нею ни друга, который бы спарался ее утѣшить?—Она имѣла многихъ жениховъ, но всѣмъ отказала. Большую часть дня проводитъ она въ храмѣ прошедшаго, а по выходѣ изъ онаго кажется ошужденною всего мірскаго.

« Но что заключаешь въ себѣ сей храмъ? — Слуга увѣрять меня, что никто сего не знаетъ. — Развѣ никому она его не показызаетъ? — Совершенно никому.

Я спросилъ еще, какая причина погружаетъ ее въ столь глубокую горестъ? мнѣ повщорили шо самое, что я зналъ

прежде; попомъ челоуѣкъ продолжалъ : считая Графиня казалась не столь удачною опъ вторичнаго брака , но съ того времени какъ явился къ ней духъ ея супруга , она дала обѣщанье не вступать въ новыя обязательства.

« А часто ли посѣщаетъ она гробницу Графа ? Нынѣ опивчалъ онъ , уже чешыре года какъ она къ ней не приближается Она видѣла тамъ страшилище , и ужасъ не позволяешь ей подходить къ сему мѣсту. »

Я крайне любопытствоваль увидѣть храмъ прошедшаго : даваль челоуѣтку деньги , чтобъ онъ явель меня шуда , но ничѣмъ не могъ его подкупить , и онъ многократно повторяль мнѣ , что одна Графиня имѣла опъ онаго ключъ.

Послѣ ужина вошелъ ко мнѣ молодой челоуѣкъ , въ которомъ я потчасъ узналь Грека Ницефора . Онъ долго не могъ опгадать кто я , но наконецъ голосъ мой мнѣ измѣнилъ . — Вы Графъ Стефано ? какой случай привель васъ сюда ? Я сдѣ-

лалъ ему Удовлетворительный отвѣтъ, и онъ продолжалъ: я очень радъ, что васъ вижу, ибо долженъ вамъ сообщить открытіе мною сдѣланное, которое докажетъ вамъ сколь опасно для васъ знакомство съ Замповіемъ. Знаете ли вы съ какимъ намѣреніемъ показалъ онъ Графинѣ тѣвъ ея супруга?

« Какъ! это онъ? . . . »

« Помощію вѣкопорыхъ машинъ и слуги имъ покушавшаго, онъ приготовилъ спрашивае сіе явленіе, которое навсегда лишило Графиню пріятной веселости, дѣлавшей ее столь любезною.

« Но привидѣніе? »

« Было предсказано имъ самимъ. Онъ раскрасилъ себѣ лице, и умѣлъ дать оному всѣ черты покойнаго Графа. Его же голосъ испужалъ васъ въ часонѣ. Одинъ изъ слугъ замка, помогая ему въ семъ зломъ умыслѣ, и природа казалась нарочно воздвигла въ сей вечеръ бурю, чѣмъ лучше способствовашъ его предпріятіямъ.

« Графиня извѣстна ли о семь обманѣхъ ? »

« Тысячу разъ доказывала я ей сіе плутовство; самъ слуга у ногъ ея признавался въ своемъ преступленіи, но ничто не помогло. Упоенія предразсудками своего опеческа, душа ея была готова принять подобныя впечатлѣнія, и случаи сей шоль сильно подѣйствовали надъ ея воображеніемъ, что никакъ невозможно увѣрить ее въ прошивномъ. Съ того времени шайная печаль ее снѣдаетъ и дѣлаетъ нечувствительною ко всѣмъ въ жизни удовольствіямъ. »

« Но какая причина могла побудить Замционія къ шоль спривному предпріятію. »

« Мщеніе. Онъ спривно любилъ ее, а она гнушалась чудовищемъ изторгнувшимъ ее изъ родительскихъ объятій. »

« Но будучи самъ влюбленъ, за чѣмъ же похитилъ ее изъ Каира, дабы предать другому ? »

« Корысть заглушила въ немъ голосъ любви, но увидя нѣжную привязанность Луры къ счастливому ея супругу, онъ предлея неистовой ревности, опушля слезами сѣшями несчастнаго Графа, который и учинился жертвою его бѣшенства умѣшаго вооружить прошивъ него вашу руку.

« Великій Боже! возможно ли? . . .

« Ничто не можетъ быть справедливѣе. Попомъ дошелъ онъ до такой дерзости, что осмѣлился объявить ей любовь свою, но она грозила предать его въ руки правосудія, если еще ошважится онъ предъ ея взору. . . . Чудовище видя невозможность обольстить ее, онъ отправилъ всю ея жизнь, разстроивъ воображеніе Какое жестокое мщеніе! гораздо бѣ лучше было еслибъ она умерла.

« Но развѣ она васъ болѣе не любитъ ?

« Она навсегда потеряла для меня и для любви правда оказываетъ ко мнѣ искреннее дружество, но съ шѣзь

условіемъ: чшобъ я никогда не произно-
силъ предъ нею ни одного вѣжнаго
слова, ибо ей безпрестанно предсшав-
лялся тѣнь перваго ея супруга. Я
често бываю съ нею и она сама меня
проситъ не оставлять ее, но есть по-
ложенные часы, въ которые и я не
смѣю къ ней приближиться, а одна
Нина имѣетъ право раздѣлять ея уди-
вленіе.

« Кто это молодая дѣвушка.

« Думаешь надобно, что она плодъ
первой любви покойнаго Графа; она
содержитъ ее какъ собственную свою
дочь, даетъ наилучшее воспитаніе, и
сама прилѣжно занимается образова-
ніемъ ея сердца. Одна сія чеша учини-
лабы ея достойною почтенія всѣхъ
честныхъ людей. Однакожь она тща-
тельно скрываетъ происхожденіе Нины,
и думаю что со временемъ объявитъ
ее законною своею наследницею. Пре-
длествая Нина столь хорошо сошлѣш-
слвуешь попеченіамъ Графини, что

завидна участь того счастливаго смерщнаго, кошорому назначить она ея руку.

« Какой черный напишокъ принимаетъ Лаура каждыи вечеръ ? »

« Съ того времени, какъ явилась къ ней мнимая шѣнь Графа, она перестала приниматьъ оный.

« Но что это за напишокъ и за чѣмъ она его употребляла ? »

« Въ нашихъ странахъ много еще суевѣрїя; всѣ слабые умы вѣряють, что потерявъ милаго человѣка, если захочешь видѣть его и говорить съ нимъ, то надлежитъ всякій вечеръ, предъ шѣмъ, какъ ложишься въ постелю, приниматьъ черезъ каждыя пять минутъ по чешыре рюмочки сего напишка, составленнаго изъ разныхъ благоуханій смѣшанныхъ съ пережженными травами; и что силою сихъ растѣнїй, душа наша оставляетъ свою темницу и ошлепаетъ въ жилище мертвыхъ, откуда опять возвращаешся съ первыми лучами солнца. Сїя обманчивая надежда заславляла

Лауру пишь справную сію смѣсь извѣстную всѣмъ нашимъ жевщинамъ ; но поодѣ ложнаго призрака , коему вы были свидѣтелемъ , она пересшала упошребляшь сей напишокъ .

« Знаете ли вы что заключаешъ въ себя храмъ прошедшаго ?

« Нѣшь , я никогда не могъ получить позволенія его видѣть ; прозьбы мои и вопросы равно были бесполезны ; и замѣтя , что любопытство сіе ее огорчаетъ , я перестала ей о томъ говорить . Никто кромѣ самой Графини и иной ея подруги не входилъ въ оный , посторонніе работники его спроили , и никакъ невозможно проникнуть сей шайны .

« Должно думать , что шамъ очень шемно , а иначе бы сквозь окны можно было все увидѣть .

« Я дѣлалъ и сей опышь , но внутри задернуты завѣсы и шрудъ мой оспался тщешень . Можеть быть , что приподвывая окны , и помощію веревокъ

можно бы спустишься въ храмъ, но мнѣ бы нуженъ былъ товарищъ а я не хотѣлъ ввѣриться слугѣ, дабы не сдѣлалъ непріятности ни себѣ ни несчастной Лаурѣ.

« Если любопытство ваше столь же сильно какъ мое, то я готовъ помогать вамъ къ семъ предпріятіи.

Онъ шому нѣсколько времени противился, но наконецъ рѣшился, и мы положили какъ можно скорѣе произвести въ дѣйствіе ваше намѣреніе. Въ слѣдующій день я былъ представлень Графинѣ подъ ложнымъ моимъ именемъ, ибо Ницефоръ совѣтовалъ мнѣ не давать о себѣ знать по той причинѣ, что одно воспоминаніе обо мнѣ заставляло ее трепетать, живо приводя ей на память происшествіе ужасной той ночи. Она приняла меня благосклонно, и не узнала по голосу, чтожь касается до лица моего, но Зампони умѣлъ совершенно преобразить всѣ черты онаго. Я и въ Графинѣ нашель

большую перемену; умъ ея много ослабѣлъ и красота увяла. Поговоря съ часъ времени о постороннихъ предметахъ, я замѣтила что, присутствіе ея ея тяготило, и вышла къ другія комнаты.

Вы видите какъ она переѣнилась, сказалъ мнѣ Ницефоръ, вичто уже не привоситъ ей удовольствія, и я потерялъ всю надежду видѣть любовь мою увѣнчаною. Однакожь она взяла съ меня обѣщаніе жишь всегда съ нею и управлять ея домовъ, и я конечно никогда ее не оставлю: она страдаетъ, по я долженъ облегчать ея горести, раздѣляя ихъ.

Я старался его утѣшить, и напомнивъ намѣреніе наше, въ разсужденіи храма, просилъ его сдѣлать всѣ нужныхъ приготовленія, дабы исполнишь оное въ шу самую ночь. И дѣйствительно лишь только сонъ сомкнулъ глаза всѣхъ жителей замка. по мы пошли въ звѣринецъ взявъ съ собою фона-

ри, веревки и всё по потребным орудіямъ. Храмъ будучи умеренной вышины, представлялъ намъ легкія препятствія, которыя мы скоро побѣдили и достигли до свода: шухъ вынувъ одно окно, привязали къ желѣзному крючку полосу веревку и по ней спустились во внутренность храма.

Какимъ удивленіемъ пораженъ былъ Ницефоръ, когда осматрѣлъ всё окружающія его предметы! Глубина храма представляла часовню, росписанную по образцу той, гдѣ Лаура въ опечесствѣ своемъ приносила моленія Всевышнему. Остальное пространство было разделено на двѣ части; съ правой стороны находились маленькія комнатки подобныя шѣмъ, въ коихъ прекрасная Египтявка жила къ Каирѣ: шолы, шуля, обои и всё украшенія совершенно сходствовали съ шѣми. На картинахъ висѣвшихъ по шѣвамъ, изображены были важнѣйшіе случаи жизни почтеннаго Колша.

Одна изъ сихъ комнатъ представляла древесную бесѣдку, подъ кошорою отецъ Лауры одобрилъ любовь ея къ Ницефору и обѣщаль соединитъ ихъ бракомъ. Изображенія обѣихъ любовниковъ и добраго старца, вырѣзаны были изъ мрамора: они всѣ прѣсѣдѣли на дерновой скамьѣ. Конецъ занимавшій средину оидѣи, наложилъ руку одну на Ницефора а другою подавалъ своей дочери письмо, въ кошоромъ отецъ молодаго Грека соглашался на ихъ союзъ.

Лѣвая спорона храма, представляла различныя покои, въ коихъ Лаура жила по прибытіи своемъ въ Италію. Все, что случилось съ нею послѣ ея похищенія, было изображено также въ картинахъ, одинакой величины съ прежними, но штукъ не было статуи и казалось, что прелестная вдова рѣже входила въ сію часть храма.

Осмолрѣвъ все что штукъ находилось, мнѣ пришло въ мысль, употребитъ для излѣченія вѣщасной Графинѣ, шѣ самыя средства, кошорыя повергли ее

въ жалостное сіе состоявіе. Я сообщилъ расположеніе мое Ницефору который съ восторгомъ оное принялъ и просилъ меня помогать ему своими совѣтами.

Многія рукописи добраго Коппа были сохранены его дочерью, и Ницефоръ въ короткое время научился подражать совершенно его почерку. Когда жь онъ увѣрился, что легко можешь обмануть онымъ свою любовницу, то написалъ длинное письмо, въ которомъ Коппъ осуждалъ слабость и легковѣріе Лауры, въ разсужденіи мнимаго явленія ея супруга, потомъ приказывалъ ей распрощаться снова слугу, помощника Замповія, выслушать со вниманіемъ его отвѣты, и изслѣдовать какимъ образомъ злобный содѣтель всѣхъ ея бѣдствій, произвелъ въ дѣйствіе плутовство свое; наконецъ совѣщивалъ ей, или лучше сказавъ повелѣвалъ, отдатьъ руку свою жениху имъ прежде назначенному. Мы вынули изъ рукъ статуи письмо отца Ницефора, и вложили сіе; статую посправили такимъ образомъ, что она ка-

залосъ прямо смотрѣла на входящаго въ храмъ и подавала ему письмо : пошомъ въ одномъ темномъ уголкѣ прорубили мы снѣгу , дабы могли входить и выходить ошпуда когда за благо разсудимъ , и сокрыли отверстіе сіе съ наружи перелешенными вѣшьями , внутри же придвинули нѣсколько спульевъ , которые были въ безпорядкѣ шущь разсшавлены.

Легкая болѣзнь , приключившаяся Лауръ , подала намъ способъ расположить все по желанію , не опасаясь чшобъ кто пришель помѣшать намъ . Когда жъ всѣ приугошвленія кончились , то мы съ вешерпвнємъ ожидали той минушы въ которую милая вдова пойдешъ посѣтшиъ любимое ею убѣжище .

Нѣсколько дней спустя хотя и чувсшвовала еще она слабость , но рѣшилась шуда идти предъ самымъ захожденіемъ солнца , погода была пасмурная , и лишь шолько прелесшная Еги-

шьянка всшупила въ аллею ведущую къ храму , какъ вдругъ поднялась буря : крупный дождь и легкіе громовые удары заставили ее удвоить шаги свои, чтобы скорѣе укрыться отъ грозы, и она съ поропливосшю отворила ворошы. Мы еще прежде ее достигли храма, разсшавили и зажгли множество свѣчь въ шой комнашѣ кошорая представляла бесѣдку, сами жѣ спрятавшись въ темномъ уголку, замѣчали всѣ ея движенія.

Бывъ привлечена въ бесѣдку необычайнымъ свѣпомъ, она долго пребыла неподвижно отъ изумленія; когда жѣ пришла нѣскольво въ себя, шо совнманіемъ разсмаширивала всѣ окружающіе ее предметы и шполь углубилась въ размышленія, что долго не слышала грома гремящаго надъ ея головою, наконецъ одинъ сильный ударъ вывелъ ее изъ сей задумчивосши. Она содрогнулась и обратила взоръ на небо какъ бы для выслушанія повелѣній, кои безъ сомнѣнія сущшала отъшоль нисходя-

щими; попомъ съ почтениемъ онимъ покоряясь, пала на колѣна предъ спашую ошца своего, вынула изъ рукъ его письмо, поцѣловала и развернула оное. Она многократно его перечитывала, показывая знаки чрезвычайнаго удивленія, часно прерывала свое чтеніе, осматривалась вокругъ себя, задумывалась, и опять принималась читать. Занимаясь долгое время сею бумагою, она снова повергалась предъ отцемъ своимъ, поцѣловала полу его плащя, и вышла изъ храма. Буря утихла: кошя не совсемъ еще миновалась, но она не замѣчая оной, шла медленно къ замку.

Тотчасъ, по удаленіи ея, мы все разспавили по прежнимъ мѣстамъ и последовали за нею, но не нашли уже ее въ пріемной, и намъ сказали: что въ сей вечеръ она никого не хошѣла видѣть, кромѣ молодой своей подруги.

Въ слѣдующее утро, на самомъ почти разсвѣтѣ, Графиня позвала къ себѣ по-

го слугу; кошорый подкупленъ былъ Замъ, поніемъ и зачерлась съ нимъ. Пошомъ велѣла просишь Ницефора чшобъ онъ удалилъ изъ замка всѣхъ людей и самъ бы оспавался со мною въ звѣривцѣ до того времени, какъ она за нами пришлеть. Надѣясь, чшо сей поступокъ былъ первымъ слѣдствіемъ письма нашего, мы снѣшили исполнить ея приказаніе, и не ошиблись въ своихъ догадкахъ. Около полудня пришелъ за нами чловѣкъ оспававційся съ нею; и мы узнали ошъ него, чшо заспивляла его повшорять болѣе десяти разъ прежнее его признаніе, касательно до хипрошти употребленной гнуснымъ Зампо-ніемъ, и разспрашивала, какія причины побудили сего злодѣя къ подобному пред-вріянію; свѣ примолвила, чшо она на-рочно удалила насъ и всѣхъ людей, чшобъ свободнѣе осмотрѣть всѣ части замка и увѣриться своими собшвен-ными глазами, чрезъ какія средства обманъ сей былъ произведенъ въ дѣй-ствіе.

Мы не нашли ее въ пріемной, но за обѣдомъ она сидѣла съ нами, хотя ничего не ѣла и не вмѣшивалась въ разговоры. Мы покушались вывести ее изъ глубокой задумчивости въ которую она была погружена, но надѣясь, что размышленія ея могли сдѣлаться намъ благопріятными; и боясь возбудить ея подозрѣнія, мы сами замолчали и дѣлали видъ будто приписываемъ сіе уныніе усугубленію обыкновенной ея горести, которую мы съ почтеніемъ раздѣляемъ.

Вставъ изъ за стола, она потчасъ пошла въ храмъ, куда и мы за нею послѣдовали. Мы тамъ сирѣшались съ такою же ошорожностію какъ и наканунѣ, и замѣчали всѣ ея движенія. Вошедъ прямо въ бесѣдку, удивленіе ея было чрезвычайно, увидя все распавленнымъ въ прежнемъ порядкѣ; она приблизилась къ спануѣ отца своего, пала предъ нею на колѣна, долго молилась, потомъ съ почтеніемъ взяла письмо

отца Ницефора, которое опять мы вложили въ руки сшапуи, со вниманіемъ перечла оное и прижавъ его къ сердцу и устамъ своимъ, оставила сію мѣсто чѣлобъ идти къ подножію олпая, гдѣ молилась до наступленія ночи. Когдажъ темнота повсюду разпространилась, то она тихими шагами пошла къ замку и ужинала вмѣстѣ съ нами, но продолжала хранишь совершенное безмолвіе. По окончаніи ужина, Цина подала ей опять чернѣйшій напишокъ и порошокъ, который Лзура переспала употребляшь съ того времени, какъ думала видѣшь тѣнь несчастнаго Графа. Ницефоръ крайне встревожился симъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, и когда мы удалились въ свою комнату, то сказали мнѣ съ огорченіемъ: «она безъ сомнѣнія желаетъ увидѣшь отца своего, воображеніе ея, разгоряченное мнимымъ чудомъ нами произведеннымъ, еще болѣе воспалилось, дѣйствіемъ пагубнаго сего вещества и конечно пред-

спавить ей во свѣ тысячу различныхъ предметовъ ; но какіе они будутъ ? Увы ! участь моя зависить отъ сновидѣнія. » Я старался его успокоить, и мало по малу надежда возобновилась въ душѣ его.

Въ слѣдующій день, по пробужденіи Лзуры, радость изображалась на лицѣ ея : при первомъ на нее воззрѣніи, она показала мнѣ во всемъ блескѣ прежней своей красоты, и надлежало смотрѣть на нее вѣскольکو минушь, чтобы замѣтить слѣды горести столь долгое время ею питаемой. Во весь день была она очень весела, а вечеру пошла въ храмъ, гдѣ возсылала жарчайшія благодаренія отцу своему; изъ чего заключили мы, что она видѣла его во свѣ, перемѣнила свои расположенія; и такимъ образомъ невинный нашъ обманъ произвелъ желаемое дѣйствіе. За ужиномъ она охотно вмѣшивалась въ разговоры, и не принимала болѣе порошка съ чернымъ напашкомъ. Я уговаривалъ Нице-

фора воспользоваться благопріятною сею переменною, дѣлалъ видъ, что веселость Лауры оживляетъ въ немъ надежду, и съ завтрашняго же дня умолялъ прекрасную свою любовницу, чтобъ наконецъ согласилась она увѣичать поспояную его приязнанность. Совѣтъ сей испугалъ его: онъ боялся все испортить излишнею поспѣшностію и хотѣлъ еще подождать, но по вѣскопныхъ спорахъ, рѣшился слѣдовать моимъ наставленіямъ. Сначала онъ нашелъ большое сопротивленіе, милая Графиня хотя въ шайнѣ и привяла уже намѣреніе вручить ему свою руку, но стыдилась показать шоль скорую перемену, шѣмъ больше, что она не хотѣла открытъ, какія причины побудили ее преслупить давнее ея обѣщаніе, чтобъ не вступать въ новыя обязательства, но неотступныя прозбы Ницефора преодолѣли ея упорство, онъ получилъ требуемое согласіе и чрезъ нѣсколько дней совершился ихъ бракъ, который учинилъ его счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Спаранія, употребленныя мною, для сооруже́нія ихъ благополучія, усыпили на малое время собственныя мои горести, но онѣ возбудились съ новою силою, когда возвратился я къ бездѣйствію. Я рѣшился уѣхать, и не смогъ на усиленныя прозьбы Ницефора, чтобъ удержашъ меня оставилъ навсегда сіе мѣсто, гдѣ чрезъ мою вину, ангельское швореніе столь долго помилось въ печали. Я отправился прямо въ Урбино и нащелъ шамъ Зампонія, отъ котораго скрылъ пребываніе мое въ замкѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ поднесъ мнѣ планъ для управленія моими подданными.

Къ чему это? спросилъ я его; не всего ли я лишился, чрезъ возвращеніе моего брата?

« Но не выль единственный по немъ послѣдникъ ?

« Правда, однако онъ еще не умеръ.

« По крайней мѣрѣ , можно надѣяться что это скоро случится .

« Человѣкъ столь же злобный какъ и вѣроломный ! Что ты сдѣлалъ :

« Безумецъ ! ты недостойнъ счастья мною тебѣ приготовленнаго .

« Но за какую цѣну заставляешь ты меня купить его ?

« Полезная цѣль оправдываетъ всѣ средства : не будемъ входить въ пустые споры ; я хочу только своего благополучія и сославлю его ; если же есть что заслуживающее порицанія , то я все снимаю на себя . Повѣрь мнѣ когда бѣ захотѣли изслѣдовать начальныя причины обогащенія большой части знатныхъ наслѣдниковъ , не исключая и монарховъ , то немногіе изъ нихъ могли бы доказать что законно приобрѣли свои владѣнія . — Свѣтъ на поляны братьями , которые гораздо виновнѣе насъ .

« Зампови! ты великій орапоръ; если искусство сіе сосшоить только въ шомъ, чшобъ умѣть сдѣлать пресшунникомъ честнаго челоуѣка.

« Не спанемъ терять времени, послѣщимъ отъѣздомъ, чшобъ воспользоуашься благопріятными для насъ обстоятельствами. »

(Здѣсь кончипся повѣствованіе Графа).

Прибавленіе отъ Издателя.

Графъ, коего вся жизнь была спленіемъ чудныхъ приключеній, и копорый былъ совершенно опулавъ сѣшями Замповія, отпрауился вмѣстѣ съ нимъ въ доставшееся ему Графство, ибо гяусный Зампови отпрауилъ ядомъ Графа Сѣбастьяно и супругу его, родственицу Неаполитавскаго Короля. Намѣреніе его сосшодло къ шомъ, чшобъ учид-

я Графа наследникомъ важныхъ сихъ
 владѣній, выманивашъ у него большія
 суммы денегъ, въ которыхъ бы невоз-
 можно отказать ему, ибо онъ былъ хра-
 нилищемъ ужасныхъ тайнъ, и открывъ
 оныя, подвергнулъ бы его повсѣмной каз-
 ни. И такъ онъ надѣялся держать Графа
 въ такомъ невольничествѣ, ошъ кото-
 раго бы онъ никогда не могъ освобо-
 диться. Помощію денегъ, ему удалось
 подкупить слугу покойнаго Графа, чшобъ
 отправить обѣихъ супруговъ; сей не-
 щасливый допустилъ обольстить себя,
 но увидя какъ невинныхъ жершвы боро-
 лись со смертію, и претерпѣвали не-
 слыханное мученіе; совѣсть въ немъ
 пробудилась, и не въ состояніи будучи
 противиться глаго ея, онъ объявилъ
 себя виновникомъ сѣй смерти; свача-
 ла сочли его сумасшедшимъ, но онъ до-
 несъ обо всѣхъ обстоятельствахъ сего
 дѣля и доказалъ, что ядъ, всыпанный имъ
 въ шоколадъ господъ своихъ, былъ по-
 лученъ отъ Зампонія. Его заключили
 въ шемницу, чему онъ безъ ропшанія

покорился, называя себя величайшимъ злодѣемъ, и говоря, что не въ силахъ переносить раскаянія перзакшаго его душу. При вскрышїи шрупонъ, нашли слѣды яда, а подъ сердцемъ Графини младенца, раздѣлигшаго судьбу своей матери. Король приказалъ отдать послѣднїя почести несчастной своей родственницѣ, и когда Графъ и Зампони явились, чтобы собрать плоды своего злодѣянїя, то по повелѣнїю его были захвачены и отвезены въ крѣпость Векиръ, какъ государственныя преступники. Зампони при допросѣ своемъ открылъ множество злодѣанїй имъ учиненныхъ: убійства разнаго рода, лѣжали на ядской душѣ его, но и самая пышка не могла изшоргнуть изъ него шайку шайки, къ которой онъ принадлежалъ. Когда прочли ему смертный приговоръ, то онъ спокойно отвѣчалъ: для облегченїя вашей совѣсти, я намѣренъ доказать вамъ, что подлинно заслужилъ участь мнѣ приготовленную: вамъ конечно извѣстно, что Принцъ

де ла Роче палъ подъ ударами неизвѣстнаго убійцы, и что Принцесса Теодора находится при послѣднемъ дыханіи. . . . и шакъ знайте, что все это дѣло рукъ моихъ, и слѣдствіе мщенія, копорымъ пылалъ я пропивъ всего дома Герцога Гравины, его правители и повѣренныя подлымъ своимъ корыстолюбіемъ и неслыханною несправедливостію принудили меня сдѣлаться злодѣемъ.

Какой извергъ, сказали судьи! посмотрише, продолжалъ Зампони, вынимая изъ кармана кинжалъ и склянку съ ядомъ: я бы легко могъ предупредить свою казнь, избѣжать вашего свирѣпства и лишить васъ удовольствія предсѣявши изъ меня позорище народу; но я пренебрегаю сими средствами и хочу умереть какъ должно челоуѣку шакому какъ я; пусть по смерти моей одно обо мнѣ воспоминаніе приводитъ всѣхъ въ шрепешъ.

Сіе желаніе не исполнилось, его не ошлчили особливою казнію, а смѣщали

съ полною преступниковъ осужденныхъ на смерть за измѣну, и онъ кончилъ жизнь не бывъ никѣмъ замѣченъ.

Жалобы его на правитель Герцога Гравинны, имѣли нѣкоторое основаніе : онъ родился въ его владѣніяхъ ; и можетъ быть остался бы честнымъ человекомъ (въ низкомъ своемъ сословіи, еслибъ ужасная несправедливость не повергла его къ бездну, въ которую палъ онъ чистъ, но вышелъ уже изъ оной съ изсохшею душою, съ ожесточеннымъ сердцемъ и ошъ опчаяніа готовымъ на всѣ злодѣйства. Опишемъ въ кратцѣ его исторію, не для оправданія сего чудовища, но для чести человѣчества, которое безъ важныхъ причинъ рѣдко впадаетъ къ шоль гнусныя преступления.

Имя его Спаласси, но онъ переименовалъ его для прикрытія своихъ намѣреній; родители его не были богаты, однакожъ имѣли маленькій домикъ въ

городъ и небольшую деревенскую мызу; доходъ съ оной, присоединенный къ полямъ ихъ трудолюбія, достаточенъ былъ для содержанія всего семейства. Достигнувъ двенадцати лѣтъ Спаласси, пошелъ опца своего, и вскоре потомъ вступилъ въ ученики къ одному сиротчому, оставя наследство свое матери и сестрѣ. Три года прошекли безъ всякаго примѣчанія досшойнаго случая, но въ сіе время страсти въ немъ возгорѣлись: будучи рожденъ съ безпокойнымъ умомъ и съ пылкимъ нравомъ, онъ почувствовалъ отвращеніе ко всему, что прежде его занимало и пренебрегая своими должностями, ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только бродилъ по пространному саду, принадлежащему къ шому дому, гдѣ онъ жилъ. Одна молодая дѣвочка шущъ же занимавшая покой съ своею матерью, приходила также въ сей садъ разгоняшь скуку свою. Они встрѣтились, полюбили другъ друга, объяснились, и давъ взаимную клятву соединиться бракомъ,

какъ скоро будущъ власный располагать собою, предались воспоргамъ своей спрасши. Они продолжали нѣсколько времени видѣться въ саду, но разсудивъ, что мѣсто было не безопасно и что мать Софьи (такъ называлась молодая дѣвочка) легко могла ихъ путь найсти, они положили сходиться всякую ночь въ сараѣ спрялчева, отъ кошораго доспали себѣ ключъ. Такимъ образомъ прошло полгода; но въ одинъ вечеръ, мать Софьи занемогла, и дочь ея была принуждена сидѣть надъ больною. Молодой Спаласси, не зная причины замедленія своей любовницы, старалъ отъ неперѣвнїя, и при малѣйшемъ шорохѣ, бѣжалъ къ дверямъ, въ надеждѣ ее увидѣть. По несчастію, въ самый шопъ-день хозяинъ его очень выгодно споргвалъ большое количество сѣна для лошадей своихъ, и какъ онъ имѣлъ привычку входивъ самъ во всѣ подробности хозяйства, то хотя и поздно возвратился домой, но прежде нежели лечь въ постелю, захошѣлъ посмошрѣшь

можешь ли сарай его помѣстить въ себѣ все имъ купленное. Надлежало идти туда чрезъ высокую и крутую лѣстницу; несчастный спрячій вошелъ уже на верхнюю ступень, какъ вдругъ Спаласси, обманушый его приходомъ, поспѣшно отворяетъ дверь. Изумленіе и страхъ заставили бѣднаго спрячяго податься назадъ, онъ оступился и уналь скатясь въ низъ по лѣстницѣ. Крикъ его разбудилъ весь домъ; испуганный Спаласси бросается вонъ изъ сарая, бѣжитъ по шѣлу своего хозяина, и видитъ себя среди улицы не имѣя никакой цѣли. Сосѣди сбѣжались на вошь разбишаго, перенесли его къ комнашу, и нашли, что голова его была во многихъ мѣстахъ проломлена; чрезъ нѣсколько минушь онъ испустилъ духъ, назвавъ по имени того, кого считалъ своимъ убійцею. Всѣ живущіе въ домѣ, включая мапери Софьи, собрались въ комнашу умершаго чинобъ подати ушѣшеніе жевѣ его и дѣтиамъ, какъ новья шревога возвѣстила споль же несчастный случай.

Спаласси спасаясь бѣгствомъ, отбросилъ отъ себя фонарь , который нечаянно попалъ на кучу соломы , зажегъ ее , и когда увидѣли пожаръ , что невозможно уже было потушить его , ибо огонь обнявъ все находящееся на дворѣ спрое- ніе. При видѣ опасности , всѣ спѣшили удалиться отъ сего мѣста ужаса , и испуганная Софья была также увлече- на толпою ; но едва перешла она за ворота , какъ верхнее жилье съ шрес- комъ обрушилось ; шло только не- щастная вспомнила , гдѣ оставила мать свою Увы ! бѣдная женщина учини- лась жертвою пламени. Безъ родствен- никовъ , безъ пристанища , безъ денегъ , и неся подъ сердцемъ своимъ залогъ слабости ея къ челоуѣку , который хотя невольнымъ образомъ но сдѣлался убій- цею и зажигателемъ , злополучная лю- бовница Спалассія съ сухими глазами , и съ опечаніемъ въ душѣ , бродила по улицамъ , не зная сама куда направляла шаги свои : вдругъ споткнулась она объ камень , упала , и лишилась всякаго

двигевія. Она не была въ обморокъ, однакожь ничего не чувствовала; мысли ея смѣшались, члены онемѣли; ужасный ударъ поразившій ее, произвелъ надъ нею дѣйствіе грома. Въ слѣдующій день, на самой зарѣ, сильный дождь прохладилъ горящую ея голову, и мало по малу привелъ кровь въ обращеніе; тогда начала она опять чувствовать, размышлять; испочивикъ слезъ облегчилъ стѣсненную грудь ея и она могла обдумать свое положеніе. Увидѣвъ себя лежащею у церковной ограды, и двери въ храмъ отворенныя, она вошла туда, возсылала къ небу шеплыя молитвы и предавалась всей своей горести; потомъ успокоясь вѣсколько, помышляла о средствахъ къ своему пропитанію; наканунѣ того дня, она была въ гостяхъ въ лучшемъ своемъ варядѣ, нечаянная болѣзнь матери, заставила ее позабыть снѣтъ съ шей своей золотую цѣпочку, а съ руки перстень дорогой цѣны: и такъ рѣшилась она, продать обѣ сіи вещи, нанять маленькій уголокъ и со-

держашь себя рукодѣльемъ. Между тѣмъ Спаласси укрылся въ домѣ своей матери, но его скоро тамъ отыскали, заключили въ темницу и начали производить надъ нимъ судъ. Мать его, будучи слабаго здровья, не могла пережить жестокаго сего случая. Во владѣніяхъ Герцога Гравины, законъ повелѣвалъ налагать подати на мѣщанъ, смотря по объявленію ихъ, чего сполна собственность имъ принадлежащая; бесполезно было скрывать истину, ибо по смерти каждаго жишеля дѣлали оцѣнку его имѣнію, и когда находили объявленіе его ложнымъ, то отпрѣшали наследниковъ, и описывали все въ казну. Сестра Спаласси обливала слезами смертный одръ матери своей, съ котораго только что успѣли снять безчувственный трунъ, чтобы предать его погребенію, печальный колоколь раздавался еще въ ушахъ ея, какъ пришли дѣлать оцѣнку оставшемуся имѣнію. Присланные отъ Правительствавидѣли, или лучше сказать приговорились, будто нашли, что преж-

нія объявленія были несправедливы, и приложили печать ко всѣмъ пожизкамъ. Черезъ нѣсколько дней они опять возвращались съ повелѣніемъ, чшобъ несчастная Евгенія оставила домъ своихъ предковъ, описанный на Государя. Что могла сказать въ оправданіе робкая и беззащитная сирота? Не только не хотѣли ее слушать, но еще съ жестокостію вышолкали за воропы, копорый навсегда за нею зашворились.

Она не имѣла болѣе ни родственниковъ, ни друзей; ибо кто захотѣлъ бы сохранить связь съ сестрою зажигагеля, копорый можетъ быть приговоренъ къ смертной казни. Она пробѣгала городъ безъ всякой цѣли, ночь наступала, и несчастная не знала гдѣ найти для себя убѣжище. Случай привелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ положено было шѣло ей мапері: она бросилась на могилу, и отчаяніе овладѣло ею. Въ полночь дозоръ съ командою прошелъ мимо кладбища, онъ, увидѣлъ ее, велѣлъ схватить

и несмотря на вопль ея, посадить въ тюрьму. Въ слѣдующій день она была приведена предъ начальника Полиціи, человека суроваго, который называя ее распущною дѣвкою, грозилъ жестоко наказати ея если найдушь ее впрочемо на улицѣ среди ночи, потомъ выгналъ ее, не выслушавъ оправданія. Два дни уже не принимала она пищи, и какъ не находила средствъ къ своему пропитанію, къ тому жъ не имѣя приспанища, не надѣялась избѣжать встрѣчи съ дозоромъ, то чтобы окончить свои спраданія, взяла пагубное намѣреніе кинуться въ воду. Уже подходила она къ рѣкѣ, какъ встрѣтилась съ Софьею, которая тотчасъ ее узнала и испугалась увидя страшную въ ней перемену. Она остановила ее, спросила обо всемъ случившемся, подала утѣшенія и уговорила жить съ собою. Обѣ молодыя несчастливцы соединили труды свои, и прилѣжною работою доставали себѣ нужное содержаніе. Стыдъ пренятствовала Софья призналась въ слабос-

сши своей къ брашу Евгеніи; но когда не возможно уже было скрывать слѣдствія оной, то она переспала выходить изъ дому и поручила своей подругѣ попеченіе обо всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ. Срокъ ея наспушилъ, и по продолжительномъ спраданіи, безъ всякой посторонней помощи, она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Сраженныя симъ неожиданнымъ несчастіемъ, овѣ долго не знали на что рѣшиться, наконецъ условились, чпобъ Евгенія опнесла его на городское кладбище, гдѣ всегда были гошовыя вырытыя могилы, положила бы его въ одну изъ нихъ и сверьху засыпала землею. Все сіе исполнила она бизъ всякаго непріятнаго случая; но Софья впала въ опасную болѣзнь отъ кошорой вѣсколько мѣсяцовъ не могла освободиться, и между тѣмъ бѣдная Евгенія, принуждена была работашь одна отъ упренней зари до глубокой ночи, однакожь не смотря на все прилѣжаніе, не въ силахъ была доспавишь своей пріятельницѣ и

самой необходимой помощи, къ тому же не всегда получала она исправно плату съ такимъ трудомъ приобретаемую. Въ сей крайности объ подруги желали себѣ смерти, и не имѣя довольно смѣлости, чшобъ самимъ покуситься на жизнь свою, завидовали судьбѣ Спалассія, который хотя совершенно былъ невиненъ, но ожидалъ смертнаго приговора; часшо намѣревались они возбудить на себя ложныя подозрѣнія, чшобы подобно ему, бышь осужденными на казнь за мнимое пресупленіе: Въ одинъ вечеръ, проведя цѣлый день безъ пищи, Евгенія поздно вышла со двора, чшобъ ошнести шипье которое ей заказывалъ, въ надеждѣ полузить за оное довольную плату для покупки съѣснаго припасу, но ей отказали въ требуемыхъ деньгахъ, общая ошдашь ихъ послѣ. Погруженная въ печельныя размышленія, она шла безъ вниманія, сбилась съ дороги, и попалась ошпшь въ руки дозора. Начальникъ полиціи шотчасъ ее узналъ, обременилъ ругашельсшвами, и

велѣлъ посадить въ нѣсколько мѣсяцовъ въ смиришельный домъ.

Спрахъ продолжительнаго невольничества, слыдь бышь смѣшанною съ шолпою негодныхъ шварей, наносящихъ безчестіе всему своему цолу, и мысль о горестномъ положеніи, въ которомъ оставила она Софью, привели ее въ совершенное опчаяніе. Она вспомнила сколь часто желали онѣ обѣ лишиться безвинно жизни, и рѣшилась воспользо-ваться симъ случаемъ. Вы опредѣляете мнѣ слишкомъ легкое наказаніе, сказала она судѣ съ горестною улыбкою, ибо я помогала подругѣ своей умершавить рожденнаго ею младенца. Ее опвели въ шемницу, и когда стали допрашивать, шо она объявила многія подробности мнимаго своего преступленія. Нещастная радовалась, что удалось ей оказать Софѣ ужасную сію услугу: скоро кончашся всѣ наши спрадавія! говорила она сама себѣ съ восхищеніемъ, скоро перешанемъ мы существовать, не

бывъ принужденными пресѣчь сами
 лишь днѣи нашихъ. Софья была также
 призвана въ судъ, и поставлена съ нею
 на очную ставку; сначала она опро-
 вергала доносъ сей, но понявъ изъ
 нѣкоторыхъ словъ своей пріятельни-
 цы бѣдственное ея дѣяніе, и что
 побудило ее принять оное, подтвер-
 дила призваніе Евгеніи, и ихъ обѣихъ
 осудили на смерть. Приближеніе роковой
 минуты приводило въ трепель бѣдную
 Евгенью; она не менѣе прежняго жела-
 ла конца своего, но перзала совѣстью,
 что во влекла въ бѣдну погибели невин-
 ную Софью. Наконецъ, когда увидѣла
 она, въ день казни, съ какою твердо-
 стію шла Софья на лѣвное мѣсто; и
 какой выразительный взглядъ она на
 нее кинула, какъ бы желая возблагодарить
 за доставленіе средства къ прекращенію
 тягостной жизни, то тушь не могла уже
 она больше повѣловать своими чувства-
 ми: Остановитесь! остановитесь!
 вскричала она; Софья невидна; потомъ
 обращаясь то къ палачу, то къ изум-

ленному народу, по къ священнику ихъ сопровождавшему, съ удивительнымъ жаромъ и смѣлостію пересказала всѣ обстоятельствова сего дѣла, и кончила рѣчь свою пребуя себѣ смерти, а умоляю только пощадишь дни несчастной своей пріятельницы.

« Несмысленная! что ты сдѣлала? сказала ей Софья: еще одна минуша швердоспи, и мы бы находились уже въ ловѣ Божіемъ. »

При семъ неожиданномъ приключеніи не смѣли прясупить къ исполненію приговора; со всѣхъ споронъ кричали о прощеніи; и полицейскій офицеръ допросивъ осужденныхъ, ошановилъ совершеніе казни, чпобъ отнесшисъ къ главнымъ судьямъ, но чрезъ нѣсколько минушь получилъ позволеніе, чпобъ безъ всякаго изслѣдованія, произвести въ дѣйство здѣланное опредѣленіе. И такъ обѣ молодыя подруги, не взырая на общее ропшаніе негодующихъ зришелей, дали

подъ ударами палача кровь невинныхъ жершвъ еще дымилась , какъ судъ надъ Спаласвіемъ окончился ; сшрячій защищавшій его дѣло , доказаль ясно , что все преступленіе его соошяло въ одной лишь неоспорожности , почему и осудили его на вѣчное изгнаніе , давъ шолько двадцать чешыре часа на приведеніе въ порядокъ дѣль его . Тушь узналь овъ , что нослѣдовало съ малымъ его наслѣдіемъ ; какая была учасшь сестры его и любовницы , и какія причины навлекли вѣ сїи бѣдства на любезнѣйшія предметы сердца его . Съ бѣшенствомъ въ душѣ , онъ удалился , клянясь сохраняяшь непримиримую ненависшь и вѣчное мщеніе къ правителямъ шякой земли , гдѣ испыталъ онъ столь важныя пошері . Онъ слишкомъ хорошо сдержаль слово свое , когда чрезъ многіе пошомъ годы возвратился въ отечество подѣ ложнымъ именемъ .

Когда приговорили казнить Замлоніа , шо и мой несчастный другъ , Графъ

Стефано, бытъ также осужденъ на смерть: по какъ доложили Королю, что онъ не былъ участникомъ къ злодѣйствахъ Зампонія, и узнавъ уже о послѣднемъ его преступленіи по совершеніи онаго, что изъ жалости къ его молодости и къ обольщеніямъ, коихъ учинился онъ жертвою, Король приказалъ только прочесть ему опредѣленіе, а въ день казни объявить, что приговоръ его перемененъ и онъ осуждается на вѣчное заточеніе.

Никто не знаетъ его въ сей темницѣ, ибо по повелѣнію Короля, на него надѣли сѣрую маску. Монахъ, который исповѣдывалъ его и говорилъ къ смерти, взялся доставить ко мнѣ всѣ сіи бумаги; ихъ тогда ожидалъ казни, и для того рѣшилъ переслать ихъ ко мнѣ, не воображая, чтобы Король переѣнилъ свое рѣшеніе. Я не могу утвердительно сказать, живъ ли еще онъ теперь, и не имѣю ни малой надежды получить о немъ какія-либо

извѣстія; ибо сомнѣваюсь, чтобы и самъ монахъ, вручившій мнѣ сіи записки, могъ сыскать случай еще его видѣть, и меня о томъ уведомить. Графъ еще молодъ и долго можешь томиться въ заключеніи, еслии родные его не найдутъ возможности доставить ему средства, дабы прекратить во дни годы ссрадавія, небомъ ему опредѣленные.

К О Н Е Ц Ъ.